

18+

ДЕНИС
СТЕПАНЕНКО

Чужая Игра

книга вторая
«ПРОЗРЕНИЕ»

Денис Степаненко

**Чужая игра Книга
вторая «Прозрение»**

«Издательские решения»

Степаненко Д.

Чужая игра Книга вторая «Прозрение» / Д. Степаненко —
«Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Как
вы думаете, сколько людей знают о том, что наш мир на самом деле не такой
каким мы его себе представляем? А вы? Большинство из нас озабочены
только бытовыми, житейскими проблемами, заботами, нам некогда рассуждать
о мироздании, да и зачем? Все, или почти все уже объяснено учеными. Мы
взращены на придуманной истории людей, свято верим в происхождение
человека от обезьяны... но представьте, что в какой-то момент вы узнаете, что
все это ложь! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	18
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	40
ГЛАВА 10	41
ГЛАВА 11	46
ГЛАВА 12	51
ГЛАВА 13	55
ГЛАВА 14	57
ГЛАВА 15	59
ГЛАВА 16	62
ГЛАВА 17	65
ГЛАВА 18	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Чужая игра Книга вторая «Прозрение»

Денис Степаненко

© Денис Степаненко, 2026

ISBN 978-5-0070-9693-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-9692-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что может быть проще, чем произнести слово, обычное слово, неважно какое, или ударить в ладоши, оттянуть и бросить струну на гитаре или контрабасе. Обычное, несложное, физическое действие, результатом которого будет звук. Звуковые волны, казалось бы, простейшие физические явления, а ведь именно они являются в созданном Богом, земном мире, ключом к очень многому, и возможно ко всему, ведь звучит в физическом мире, так или иначе, все. Существа общаются между собой при помощи звуков, каждый предмет во вселенной вибрирует, создавая уникальный набор волн. Бог сделал мир максимально наполненным звуками, но, к сожалению, для самого человека, одарил его не самым лучшим слуховым органом. Да и будь человеческий слуховой орган совершеннее, нет уверенности в том, что цивилизация людей, дожив до нынешнего времени, смогла бы догадаться, обратить должное внимание на то, что ключом, к множеству нерешенных до сих пор проблем и задач человечества, в их мире является — звук. Люди отчего-то совсем слепы к истинным ценностям, которыми так щедро Бог наградил окружающий их мир. Они живут среди чудес, среди давно придуманных уникальных технологий, способных извлекать бесплатную, бездонную энергию, излечивать их от разных болезней, продлевать их жизнь, но вместо этого люди упорно не замечают всего этого, упоая на нефть, газ, примитивную медицину, фармацевтику, которая больше калечит людей, чем им помогает в излечении болезней. А ведь простое направленное звучание, правильно подобранных, переплетённых звуков излечивает практически от всех болезней. Но важно понимать, что для каждой болезни, как и для каждого человека, набор звуков свой. Разобраться в этом не сложно, стоит только этим заняться, как все встает на свои места и основные принципы подбора звуковых волн для каждого человека, будут определены вполне понятными алгоритмами. Правильно подобранные и направленные звуковые волны запускают процессы омоложения, делают крепкой иммунную систему, очищают и усиливают ауру. Звучит фантастически, не правда ли? Но это далеко не все чудеса, на которые способен звук, ведь звук может куда более могущественные вещи, например, раскалывать горы, менять состав сплавов, веществ, менять погоду, открывать и закрывать небольшие порталы в другие миры, да и много еще чего. В Божьем мире продумано все и у всего происходящего есть свой смысл, причины и последствия, даже у обычной мысли. Мысли — это тоже звуки, и пусть они не такие звонкие, как слова или музыка, но это не говорит о том, что если их не слышит человек, то на них не реагирует вселенная.

ГЛАВА 1

Сладкий аромат от выпечки, проникший в комнату, нарушил сон русоволосой девочки. Не открывая глаз, она расплылась в улыбке, натянув гладкую кожу на своих щеках, покрытых еле заметными веснушками. Девочка потянулась и, повернувшись к окну, через которое лучи солнца уже приветливо скользили по подоконнику, открыла свои большие, зеленоватые глаза.

— Бабушка, я проснулась, — нежным голосом прокричала она.

В глубине квартиры слышались глухие, спешные шаги.

— А я хотела тебя уже будить, — отозвалась бабушка.

— Аромат твоих пирожков, он бесподобен, какой с ними может быть сон, — одарила улыбкой она вошедшую в комнату бабушку.

— Доброе утро мое солнышко, — бабушка, вытерев руки о фартук, подошла к внучке и, склонившись, поцеловала еще в щеку.

— Доброе утро моя дорогая бабуля, — девочка обхватила за шею бабушку и не отпускала ее, до тех пор, пока несколько раз не поцеловала ее в ответ.

— Сегодня день очень хороший, солнечный, — поправив слегка растрепавшиеся седые волосы, сказала бабушка, усевшись на краю кровати.

— Значит, мы сегодня пойдем гулять? — глаза девочки заблестели.

— Конечно, пойдем, — усмехнулась в ответ бабушка. — У нас с тобой сегодня по плану много дел.

Звук упавшей капли воды, зажегся дисплей телефона, лежащий рядом с подушкой девочки. Она радостно взяла телефон и пробежалась глазами по присланному сообщению. Отчего-то улыбка тут же сошла с ее лица, огонек в глазах погас, взгляд стал печальным.

— Что случилось? — напряглась бабушка.

— Ничего, — угрюмо буркнула девочка, отбросив телефон к своим ногам.

— Не обманывай бабушку, что там написали твои подружки? — нахмурилась бабушка.

— Катя с Ленкой опять идут сегодня вечером на танцы в школу, — девочка резко прижала ладони к лицу и громко расплакалась.

— Успокойся Сонечка, успокойся дорогая моя, — бабушка пересела ближе к внучке и, подтянув ее к себе, прижала к груди. — Пускай ходят эти повесы по дискотекам, ты еще успеешь натанцеваться. Мы сейчас с тобой пойд...

— Не успокаивай меня бабушка, я уже не так глупая девчонка, которой можно врать сколько угодно. Я уже все понимаю, не обманывай меня, пожалуйста. Не говори со мной как с маленькой, я уже давно не верю в чудеса, мне уже не семь лет, а двенадцать, — перебила внучка бабушку.

— Милая моя, солнышко мое, внученька, Сонюшка моя, — расплакалась бабушка, еще крепче прижав к себе внучку — Взрослая ты моя. Не нужно тебе взрослеть раньше времени, не нужно. И в чудеса надо верить, обязательно. Куда в нашей жизни без веры в них. Мы пойдем с тобой сейчас погуляем, можем даже съездить до супермаркета и ты себе купить мороженое.

— Бабушка, — девочка, громко всхлипнув, прекратила плакать. — Давай мы купим тогда еще и эклеров?

— Конечно, купим, радость моя, все, что захочешь сегодня, купим, а потом натрескаемся с тобой сладостей и будем смотреть фильм про твоего вампира-красавчика, — бабушка посмотрела на внучку и они обе, красные от слез, улыбнулись друг другу и еще раз обнялись.

— А ты говорила, что Эдвард не красивый, а сама сейчас сказала, что он красавчик, — слегка уцепилась внучка бабушку.

— Ну, я, — улыбнувшись еще сильнее, задумалась бабушка, подбирая ответ. — Худой он, одну кровь пьет, кожа да кости, мне просто худые не нравятся.

— Ладно, пойдем кушать твои пироги, а потом сразу на улицу и про мороженное не забудь и эклеры, — погрозила пальцем внучка, вытирая заплаканные глаза краешком пододеяльника.

— Само собой, — ответила бабушка и, склонив голову к внучке, дала возможность той ухватиться за шею.

Бабушка приподняла девочку, подтянула ее к краю кровати, медленно встала, обхватив ее руками и сделав пару шагов, аккуратно усадила внучку в инвалидное кресло.

ГЛАВА 2

За окном бара, в котором сидели Потапов и Соколов, уже почти стемнело. Дождливый вечер пятницы периодически загонял внутрь промокших прохожих, постепенно наполняя питейное заведение людьми. В какой-то момент дождь усилился, звонко забубнил по жестяным сливам окон, и в залитый сигаретным дымом зал, ввалилось одновременно человек пятнадцать молодежи. В баре сразу стало шумно, вымокшие под дождем молодые люди дружно смеялись, рассаживаясь за свободные столики. Официантки, словно уже знали заблаговременно их заказ, тут же юрко замельтешили между столиками, где расположилась молодежь, неся в хрупких ручонках по паре огромных кружек пенного, янтарного цвета, пива.

— Да, уж, — недовольно прошипел Соколов, бросив хмурый взгляд на шумный угол. — Поговорить спокойно не дадут. Все удивляюсь, откуда у нашей молодежи деньги?

— Хочешь сказать, что у тебя в этом возрасте не находилось лишних рублей на выпивку? — усмехнулся Потапов, пригубив немного пива. — Можешь даже и не продолжать говорить об этом. У тебя и сейчас в кармане дыра, а на пиво деньги находятся.

— Михалыч, ну ты тоже сравнил, у меня зарплата в среду, а у них? — опешил от неудобного сравнения Соколов, и принялся тут же спешно разламывать вяленого окуня, показывая своей мимикой недовольство от услышанного. — Нашел тоже с кем меня сравнивать, обидно же, — наконец возмущенно пробурчал он.

— А я обижу тебя еще больше, — сухо добавил следователь, и медленно откинулся на спинку деревянного стула.

Соколов негодуя, поднял томный взгляд на коллегу, и замер, держа не почищенную рыбу на весу, в ожидании слов Потапова.

— Я бы на твоём месте про зарплату забыл бы, на месяц бы точно, а может и больше!

— С какого перепугу? — Недоумевая, потупился Соколов на коллегу.

— Ну, сам подумай, какая может быть зарплата, когда убийца на свободе? Премии лишат это точно, к гадалке не ходи. А того смотри, чего еще и хуже может случиться, — Потапов выдержав паузу, постучал пальцами по столу, с наслаждением наблюдая как меняется выражение лица Соколова. — Как вариант, меня попросят уйти на пенсию, а так оно, скорее всего и будет, а тебя переведут в ППСники, — невесело посмеялся Потапов. — Ну, или в дежурку посадят.

Соколов болезненно поморщился, представляя свое округлое лицо, за мутным стеклом в дежурной части.

— Умеешь ты Михалыч приободрить. А кто работать то будет тогда? Тебя, меня уволят, Егорова, все наши отделы разгонят, а что толку? Убийца сам с повинной придет? — недовольно возразил Соколов, и злобно фыркнув, бросил измученного окуня на середину стола. Затем скривился, пренебрежительно скосив взгляд на компании молодых людей, и небрежно схватив кружку, сделал несколько больших глотков хмельного напитка.

— Это точно, — задумчиво ответил следователь, отведя взгляд вслед за коллегой, на шумевшую в углу молодежь.

— Вот и я про то же, — поспешил вставить опер.

— Я про то, что тебя вряд ли тронут, — так же задумчиво продолжил следователь. — Оперов в отделе и так недобор, поэтому отделаешься выговором, ну премии лишат, один месяц, другой, а вот меня точно погонят, — Потапов поразмыслив, заметно скис в голосе.

— Ну, нет Михалыч, ты ветеран в нашем отделе, пример для подражания многих сотрудников. Если тебя Глотов спишет, многие его не поймут. Думаю, он не дурак подрывать свой авторитет, который и без того хромает. Ну, только если сверху надавят на него, — опер ткнул указательным пальцем в потолок, для пущей наглядности.

Потапов посмотрел на потолок и тяжело вздохнув, соглашаясь закачал головой.

— А на него и так давят, и еще сильнее будут давить, да так, что он от кого хочешь, избавится, только, чтобы в должности его оставили, — с сожалением констатировал Потапов. — А он у нас карьерист, давно в краевую управу метит, так, что первое, что он сделает, в случае если дело забуксует, выставит кое-кого козлами отпущения, чтобы выгородить себя. А я первый кандидат в этом списке. Следователь-пенсионер, который в силу своего возрастного слабоумия, пытается увести следствие по ложному следу. Сам знаешь, что мое виденье произошедшего, сильно разнится с официальной версией, то есть с версией Глотова.

— Михалыч, — резко оборвал его Соколов, будто что-то вспомнил важное. — Сам подумай, откуда нам, деревенским операм и следователям разобраться в таких мудреных убийствах. Я подобное даже и в кино не видел. А из края до сих пор никто не приехал, ни один следователь, ни один опер. Прислали каких-то крыс канцелярских, будто у нас не маньяк завелся, а кадровичка чай на картотеку пролила. Они там, что думают, мы здесь маньяков каждый день ловим? У нас убийств в городе за десять лет, меньше было, чем трупов за прошлую неделю.

— Маньяков ловим, — озабоченно улыбнулся Потапов, задумчиво повторив слова опера. — Был бы маньяк, может, и поймали, а эти убийства проще дьяволу приписать, чем найти разумное им объяснение. Ты бы слышал, каких мне чудес наговорил Самохин.

— И такие слухи тоже по городу ходят, — кивнул головой опер. — Инопланетяне, демоны и даже, как ты говоришь, дьяволу эти убийства приписывают, — насмешливо отмахнулся опер, перебив Потапова.

— Народ слухи распускает всегда, даже если ничего вокруг не происходит, просто так, чтобы жилось веселее, дабы было, о чем с соседом потрепаться, — ответил следователь, растирая пальцами лицо, прогоняя нахлынувшую меланхолию. — А лет через десять и вовсе все произошедшее перерастет в легенду о Каменском Джеке Потрошителе. О пареньке с чудовищной силой, у которого, толи от нашего предгорного воздуха, а может быть от безответной любви, потекли мозги, и он начал убивать всех направо и налево.

— Звучит вполне жизнеспособно для легенды, — пожал плечами опер. — Но я думаю, что мозги у него потекли от компьютерных игр, а еще более вероятно, что он просто наркоман, обожрался каких-нибудь таблеток и его понесло. Сейчас вот эти, — он с неприязнью кивнул головой на веселящуюся молодежь. — Чего только не жрут, чтобы кайф получить. Что тебе рассказывать, ты сам все знаешь. Помнишь в прошлом году, парня с трусами на голове снимали с дерева, вот чего надо было такого сожрать, чтобы попытаться к Богу сбежать по березе? Вот и этот Верховодцев, тоже чего-нибудь принял, и пошел убивать.

— Ага, а потом начал вонять зверски, — резко вставил следователь.

— Вонять? — потупившись на больно серьезное выражение лица коллеги, переспросил Соколов, не понимая, шутит тот или говорит всерьез.

— Ужасно вонять, до блевоты. И мухи слетались на него со всех окрестностей, — серьезным тоном продолжил Потапов, от чего Соколов невольно сморщился, словно почувствовал этот запах.

— Михалыч, что-то не пойму я тебя, — потупился на коллегу опер. — Объясни почему он начал вонять?

— А все потому, что чует мое сердце, что этот паренёк уже лежит где-нибудь и пованивает в лесополосе или в придорожной канаве. Дохлый, раздувшийся, но уже воскрешенный в легендах, и в основной версии нашего следствия.

— Фуу, блин, ты опять за свое, — разочарованно выдавил опер, ожидая чего-то более интересного. — Да это он убийца, не накручивай себе лишнего. Найдем его живым и здоровым, не мог же он вместе с машиной раствориться, поэтому нужно отыскать его след, а затем и его самого. Дело времени. Протрезвел парень от наркоты, и за голову схватился, сейчас сидит в лесу и перебаривает все, что натворил, если помнит, конечно.

— Что-то он засиделся в своем лесу, уже неделя прошла, — покачал головой Потапов.

— Неделя, — усмехнулся Соколов. — Да мы его только во вторник в федеральный розыск подали, пока наша бюрократическая машина раскрутится. Его автомобиль рано или поздно засветится, если же бросил его в глуши, то к жене или к родителям все равно на связь выйдет, никуда не денется. Он даже в армии не служил, а судя по характеристике и вовсе похож на маменькиного сыночка. В лесу точно прятаться долго не сможет, а если до Барнаула добрался, то день два, и повяжут его. Банковской карточкой рассчитается или телефон включит. А может у него самого нервы не выдержат и сам придет с повинной.

— Посмотри на них, — следователь кивнул головой на молодежь в углу. — Сам подумай, что вот любой из этих ребят сейчас достал пакетик с какой-то солью, съел ее, запил пивом, а потом встал из-за стола, пошел и убил четырех мужчин. И не просто убил, я даже не могу классифицировать это как обычное убийство. Разорвал на части, вот этими неокрепшими ручонками, взрослых мужчин как тряпки. Ты, прожженный опер в это веришь? — Потапов склонившись немного над столом, уставился обозленным, колким взглядом на своего коллегу.

Соколову был знаком этот взгляд. Обычно Потапов именно так впивался в подозреваемых на допросе, отчего большинство виновных старались поскорее все выложить следователю. Опер съезжился, и тут же уткнул свой взгляд в почти пустую кружку пива, которую он нервно поглаживал руками.

— Тебе хочется так думать, потому, что так проще, — не дожидаясь ответа коллеги, продолжил Потапов. — Понятно, что в нашей системе если есть подозреваемый, то все, что угодно можно притянуть за уши, главное побыстрее закрыть дело. Но здесь думаю, если и будут шить белыми нитками это дело, то нитки должны быть толщиной с кулак, не меньше, — Потапов водрузил свой кулак перед лицом коллеги.

Соколов поднял глаза, и виновато посмотрел на кулак следователя.

— Меня аж наизнанку выворачивает, когда вместо того, чтобы искать настоящих убийц, меня заставляют натягивать уши на коленки. А, что будет, если это парень и вправду жертва? Где тогда искать убийц? А если сегодня или завтра снова кого-то убьют? Да, я не исключаю, что и парень мог быть соучастником этих преступлений, но нельзя в таком деле останавливаться на одной версии, причем не самой лучшей, — боль и тяжесть, которую следователь вынашивал в себе, наконец нашла червоточинку, смазанную алкоголем, и выплеснулась небольшой порцией наружу. Потапов, почувствовав, что дает слабину эмоциям, резко замолчал, закрыл чуть увлажнившиеся глаза, напряг скулы и попытался успокоиться, сделав глубокий вдох.

— Может, не будем хотя бы в этот замечательный вечер о работе? Тебе самому не надоело? — попытался вывести в другое русло разговор Соколов. — Михалыч, давай о чем угодно, о рыбалке, охоте, бабах, машинах, побойся сегодня Бога, забудь про наших жмуров и всех прочих, — в мольбе скривился опер.

— Ты будешь еще пиво? Ну, за мой счет конечно, — не открывая глаз, спросил Потапов, и, представив, как опер расплылся в жизнерадостной улыбке, в ответ тоже растянул усталую улыбку.

Потапов открыл глаза, и в очередной раз не ошибся в предсказуемости своего коллеги, Соколов улыбался до ушей.

— Мариночка, — окрикнул следователь юную официантку, трущуюся у соседнего стола. — Принеси нам, пожалуйста, еще по два пива.

Официантка улыбочиво кивнула головой, и поспешила исполнять заказ.

— Вот за, что тебя Михалыч уважаю, так за то, что ты мужик, настоящий мужик, — Соколов схватил руку следователя и, сжав ее в своих ладонях, легонько потряс.

— Хватит лести, ты же знаешь, что я этого подхалимства не люблю. Заканчивай уже, — недовольноотреагировал на лесть Потапов. — А то сейчас передумаю на счет пива за мой счет, — вполне серьезно ответил он.

Глаза Соколова испуганно округлились, и он словно ударенный током, резко отдернул руки, усевшись за столиком как прилежный ученик.

— Ну, ты все равно настоящий мужик, Михалыч, — улыбнулся игриво опер. — А, за халявное пиво, я даже соглашусь с твоей версией касемо паренька, — махнул рукой он.

ГЛАВА 3

Шелковый синий платок соскользнул с плеч красивой, голубоглазой блондинки, оголив прекрасные ее груди. Она, словно не ожидая этого, немного по-девичьи игриво взвизгнула, и слегка смутившись, тут же расплылась в улыбке, прикрыв маленькими ладонями свои прелести. Девушка, заигрывая, похлопала пышными ресницами, страстно облизала свои губы и, медленно убрав руки с груди, эротично встала с дивана и принялась скатывать вниз по стройным ногам свои белые трусики. Внезапно раздавшийся противный звук, тут же превратил прекрасную девушку в несимпатичную женщину, которая под непрекращающийся удар клавиш расстроенного пианино и вовсе перевоплотилась в какого-то мужчину, с волосатой грудью армянской внешности, неумело строящего глазки.

— Суки, — сквозь сон протянул Соколов, со злости сжав руками под собой белоснежную подушку. Звук телефона не прекращался. — Я сплююю!!! — Протяжно и злобно прохрипел он, и перевернулся на другой бок.

Телефон на несколько секунд замолк, но тут же запиликал вновь свою противную мелодию из трех нот. Терпение мужчины вскоре закончилось и он, злобно фыркнув, с силой швырнул подушку в противоположную стену комнаты. — В каком веке сон нормальный приснился, спасибо тебе работа, — выругался он, с призрением смотря на пиликающий, у окна на столе телефон. Соколов, словно заржавелый терминатор, неуклюже встал с кровати, и подошел к столу.

— Алло! — грубо ответил он в ненавистную трубку, даже не взглянув на номер звонившего.

— Соколов, ты крепче медведя спишь, — рассмеялся в трубку Потапов.

Опер отыскал глазами часы, с трудом высмотрев показания стрелок в первых лучах расвета.

— Только не говори, что еще один труп, — взмолился Соколов, растирая рукой лицо.

— Нет, слава Богу, трупом нас эта ночь не наградила.

— Тогда, что могло такого случиться, что ты мне звонишь в пять утра?

— Нашелся Верховодцев! — важно заявил следователь. — Ты представляешь, нашелся.

— Живой? — тут же радостно вскрикнул опер.

— Ну, судя по факсу, и, да и нет, — замялся Потапов.

— Михалыч, сейчас пять утра, мой мозг спит, если ты решил со мной поговорить загадками, то это явно не самое лучшее время. Говори нормальным языком, где он и что с ним? — слегка занервничал Соколов.

— Хорошо, хорошо. Он в коме, — вздохнув ответил Потапов.

— И..., — протянул Соколов, явно недовольный скудностью ответа.

— А вот дальше, самое интересное, — ожил голос Потапова. — Как ты думаешь, где находится сейчас наш подозреваемый, ну где его нашли?

— Да ладно! — усмехнулся Соколов, дав понять следователю, что для него ответ уже очевиден. Ему почему-то подумалось в эту секунду, что Потапов сейчас скажет, что-то прямо крайне смешное, типа того, что Верховодцева нашли в баре, где они пили пиво, или вообще спящим на крыльце отдела полиции. Но быстро поразмыслив, он понял, что если ошибется, то в очередной раз выставит себя идиотом. Поэтому решил все же выдвинуть простое, но вполне выигрышное предположение:

— Поди в нашей больнице? — радостно произнес он, отчего-то ожидая, что попал в яблочко.

— Это было бы идеально для нас, но все гораздо сложнее. Скажем, ты угадал, но не на сто процентов. Да, Верховодцев лежит в больнице, но не в нашей, — поспешил ответить Потапов.

— В Барнауле? — тут же вставил опер, пытаясь все-таки себя реабилитировать.

— Очень холодно, — усмехнулся следователь.

— В Новосибирске? — удивленно протянул Соколов.

— И снова холодно, — удовлетворенный замешательством опера, откровенно радовался Потапов.

— Михалыч, говори уже, мне в голову дальше только Астана приходит, — огорченно ответил опер.

— Па ба па пам, — пропел радостно Потапов, отчего Соколов на другом конце телефонного провода, недовольно скривил лицо. — Готов? — вместо ответа вдруг спросил он.

— Михалыч! — прорычал недовольно Соколов.

— Только не падай. Наш Верховодцев обнаружился в больнице, расположенной в полутора сотнях километрах от Мурманска, — наконец сообщил следователь.

Повисла пауза.

— Ты соображаешь, где находится Мурманск? — поехидничал Потапов, нарушив молчание.

— Я вот думаю, шутишь ты или нет, — настороженно ответил Соколов.

— Какие тут шутки? У меня в руках факс, только, что прислали, — в трубке зашуршала бумага. — По данным дактилоскопии, молодой человек, найденный в горах в бессознательном состоянии, был опознан как, Верховодцев Андрей Александрович, находящийся в Федеральном розыске за совершенную серию зверских убийств в Алтайском крае. Вот, зачитал буква в букву, — оправдался следователь. — Я конечно тоже с трудом в это верю, но данным документам нет повода не доверять.

— Да уж, а я хотел его в эти дни по окрестным лесам походить, поискать, — задумчиво усмехнулся Соколов.

ГЛАВА 4

После произошедшего вчера в больнице невероятного случая, связанного с исцелением тяжелобольного мальчика, Анатолий Денисович ничего не мог придумать лучше, как попытаться осмыслить данное чудо, при помощи полутора бутылок коньяка в своем кабинете. Смазывая свои философские мысли алкоголем, он наведывался к мальчику и его спасителю каждые пятнадцать, двадцать минут, до тех пор, пока сначала память, а потом и силы, его не покинули, и он не уснул до утра в ординаторской. Утро началось с противной головной боли и рези в области живота. Но, несмотря на это, он спешно откинул с себя одеяло, которым укрыла его дежурная медсестра, и тут же быстрым шагом направился к парню в палату.

— Нуу? — облизав сухие губы, вопросительно выдавил он, дремавшей сидя на посту дежурной медсестре.

Та, молча похлопав глазами, собрала на своем лице крайне опечаленную гримасу и отрицательно покачала головой.

Анатолий Денисович, злобно поморщился, и направился к палате Верховодцева, а медсестра, как ни в чем не бывало, слегка опустила голову, закрыла глаза и продолжила дремать. Осторожно приоткрыв дверь, врач всунул голову в палату. Пациент действительно так и не пришел в себя после вчерашнего. Анатолий Денисович осторожно протиснулся внутрь и подошел к кровати больного. Молча постоял с пол минуты, спешно водя взглядом по пациенту, а затем словно, что-то, вспомнив, неожиданно округлил глаза и спешно подошел к оборудованию жизнеобеспечения, к которому был подключен парень. Прикусив нижнюю губу, он бегло пробежался по диаграммам экранчиков. Проверил, дрожащими с похмелья руками все соединения, датчики, и, убедившись в их исправности и верности показаний, держась за свой вновь занывший живот, пошел проводить мальчика. Мальчик крепко спал, рядом, на составленных в ряд стульях, накрытая пледом, свернувшись в клубок, спала его мать. Доктор с минуту понаблюдал за ними в приоткрытую дверь, а затем побрел по пустынному коридору в свой кабинет. Но, чуть не дойдя до него, болезненно согнулся от вновь обострившегося спазма в животе, развернулся и направился в туалет.

Сморщившись от того, что часы в его кабинете показывали всего десять минут шестого утра, он, борясь со своим затуманенным сознанием, прошел к столу и обессилено упал в кресло. Определяя в голове порядок следующих действий, блуждая потерянными взглядом по стенам кабинета, в какой-то момент его взгляд упал на бутылку не допитого вчера армянского коньяка, рядом с которой лежали остатки шоколадки, кусочек сырокопченой колбасы и немного цедры лимона. Тоскливо посмотрев на бутылку, он, наконец, понял, что же ему сейчас нужно в первую очередь. Он тяжело приподнялся с кресла, протянул руку и, схватив бутылку трясущейся рукой, сделал из нее хороший глоток. Закрыв глаза, ощущая как приятная горечь, чудотворно растекается теплом по его организму, он развалился в кресле, прижав к груди бутылку с остатками чудотворного напитка.

— Бу, бу, бу, бу, бу, бу, — вдруг где-то за окном, что-то давящим звуком разнеслось на весь поселок. Анатолий Денисович встрепенулся, открыл глаза, вскочил с кресла и, держа в руках бутылку, ринулся к окну.

Три больших вертолета двигались чуть поодаль от поселка в направлении гор, каждый неся на подвесах, что-то наподобие железнодорожных контейнеров. Доктор проводил взглядом скрывшиеся за сопками вертолеты, и было хотел уже снова упасть в свое кресло, как в дверь, постучались и тут же вошли трое. Анатолий Денисович, чуть было не выронил бутылку из рук.

— Аааа, выыы, — протянул он в замешательстве.

Троица встала треугольником. Первым стоял слегка полноватый, среднего роста, очень опрятный и ухоженный на вид мужчина, лет пятидесяти, одетый в дорогое на вид пальто,

изящно скрывающее легкие недостатки его фигуры. Приглаженные волосы, начищенные до блеска черные ботинки и портфель, явно сделанный из качественной натуральной кожи, говорили об одном, он был точно не местный. Мужчина быстро приблизился к доктору, и словно фокусник, выверенным движением руки, достал из кармана раскрытое красное удостоверение.

Анатолий Денисович испуганно сощурился, и отпрянул головой назад, будто мужчина вместо документов протянул ему баночку с наштабырем. Мозг доктора мгновенно вскипел, быстро склеивая остатки вчерашнего дня, ища в воспоминаниях причины посещения его полицией.

— Подполковник Белокопытов, старший следователь по особо важным делам, — устало пробурчал мужчина, слегка нахмутив брови, сделав свое выражение лица еще менее дружелюбным. Затем звонко захлопнул удостоверение, и так же выверенным движением, убрал его обратно в карман, не сводя свой взгляд с доктора.

Стоявшие позади подполковника мужчины так же достали из карманов свои удостоверения, указав на свою принадлежность к органам полиции.

— Здравствуйте Анатолий Денисович, — уважительно кивнули они. Данный жест прибавил немного уверенности доктору, и он набрался смелости рассмотреть их лица. Полицейские оказались ему знакомы, он часто видел их в поселке.

За не плотно прикрытой дверью замельтешило лицо испуганной дежурной медсестры. Словно увидев ее затылком, стоящий ближе всех к выходу долговязый полицейский в коричневой ветровке, резко запрокинул руку назад, и звучно захлопнул дверь.

— Я, ммм, вчера, ммм, — доктор вздрогнул, и робко замямлил. — Ну, я, вероятно...

Подполковник, с легкой усмешкой глянул на бутылку с остатками коньяка, которую доктор бережно прижимал к своей груди. Анатолий Денисович, уловил взгляд полицейского на бутылке и тут же поспешил спрятать ее за стол.

— Извиняюсь за столько раннее беспокойство, — тут же убрав с лица все лишние эмоции, выверенным строгим голосом, произнес подполковник. — Мне сказали, что вы сегодня дежурите в больнице, поэтому я решил не дожидаться начала рабочего дня и прийти прямо сейчас.

— А, что случилось то? — уже более смело спросил доктор, вынырнув из-под стола.

— Ничего серьезного, просто молодой человек, которого на днях нашли в горах, а затем в бессознательном состоянии привезли к вам, по результатам проведенной дактилоскопии был опознан как, Верховодцев Андрей Александрович, находящийся в федеральном розыске за совершение особо тяжких преступлений. Насколько я понял со слов дежурной медсестры, он до сих пор в коме. Это так? — задав вопрос, полицейский впился пронзительным взглядом в шальные глаза доктора.

— Дда, да, — испуганно затряс головой доктор.

— Дима, Леша, — подполковник резко повернулся к коллегам. — Давайте к палате, от греха подальше, ненароком очнется, и даст деру, нет у меня уверенности, что те два желторотика в форме смогут его в случае чего остановить.

— Но, он же в коме, — доктор было ринулся к полицейским, но уловив строгий взгляд следователя тут же осекся. — К нему не желательно сейчас вообще в палату заходить, — умоляюще произнес он.

— Не желательно? — гневно переспросил подполковник. — Вы готовы взять на себя ответственность, что он не симулирует эту кому? Готовы предоставить гарантии того, что через пять минут он не вскочит с кровати и не даст деру, оставив за собой пару трупов?

— Ннееет, я не могу вам ни чего такого гарантировать, — напрягся доктор.

— Вы еще здесь? Живо к нему в палату! — Не понимая замешательства полицейских, прикрикнул Белокопытов.

Полицейские, тут же скрылись за дверью.

— Разрешите? — достаточно вежливо обратился следователь к доктору, указав на стоящий у стола офисный стул.

— Да, присаживаетесь, товарищ... ммм, — в голове врача творился полный кавардак, поэтому вспомнить фамилию или имя следователя он сразу не смог. От этого Анатолий Денисович еще сильнее разнервничался, правый его глаз не выдержал напряжения, задергался и заслезился. Он спешно прикрыл его ладонью и поспешил ретироваться к своему креслу.

— Вадим Александрович, — представился подполковник, и сев на стул, аккуратно положил кожаный портфель на стол рядом с остатками вчерашней закуски доктора. — Успокойтесь, пожалуйста Анатолий Денисович, а то нервничать с похмелья дело не благодарное для организма. Вы как доктор должны это знать. Присядьте, налейте чаю, можете и коньяка, я не против, только успокойтесь, — благожелательно предложил следователь.

Доктор плавно, не спуская взгляда с полицейского, опустился в свое кресло.

— Неужели он и вправду убийца? — Робко спросил Анатолий Денисович.

— Убийца, убийца, причем очень жестокий, — одобрительно кивнул подполковник. — Если бы вы знали, что он сотворил со своими жертвами, спать бы ночами перестали, кошмары замучили. Хотя докторам не привыкать видеть всякое, но здесь поверьте действительно зрелище не для слабонервных.

Белокопытов приоткрыл свой портфель и вытащив небольшую желтую папочку, аккуратно толкнул ее по столу к доктору.

— Вот посмотрите.

Следователь внимательно наблюдал за реакцией доктора. За годы службы, выработалась привычка, наблюдать за этими короткими, но невероятно важными эмоциями людей, которым он показывал фотографии с мест преступления. Они приоткрывали внутренний мир человека, в который Белокопытов успевал заглянуть.

Анатолий Денисович, аккуратно взял папочку и, взглянув недоверчиво на следователя, открыл ее.

— Мать Божья! — вырвалось из уст врача. — Вы уверены, что это человек сотворил такое с этими бедолагами? — доктор быстро перебрал фотографии, бросил их обратно в папку и безразлично отодвинул ее от себя. — Я конечно не эксперт, но на первый взгляд...

— Да, на первый взгляд это немыслимо, — перебил следователь доктора. — Но вы понимаете, что факт есть факт и с этим спорить бессмысленно. Поэтому ваш пациент очень опасный преступник, который возможно внешне и не очень похож на того, кто мог совершить подобное.

— Ноо, — замялся доктор, опустив виновато взгляд на стол. — У нас тут вчера. Как бы вам сказать...

— Как есть, так и говорите! — Следователь напрягся, предчувствуя, что доктор собирается сказать, что-то не очень хорошее.

— Он выходил вчера из комы, и...

— В смысле и? — следователь выпучил глаза.

— И, сотворил чудо, — еле выдавил из себя доктор, с трудом сглотнув подступивший к горлу ком.

Ответ доктора ввел следователя в замешательство. Он недоумевающе посмотрел на Анатолия Денисовича. Уж больно непонятное, чуждое для уха следователя, слово произнес он.

ГЛАВА 5

— Вот этот доходяга, убийца? — осторожно заглянув в палату, удивился молоденький, белобрысый сержант, бегло изучив взглядом парня, лежащего на больничной койке. — Что-то он больше на маменькина сыночка похож. Сам посмотри!

— А ты, что думаешь у всех Маньяков brutальные, протокольные лица? Ну, чтобы на улице увидел такого, и сразу захотелось бы документы у него проверить, — усмехнулся второй сержант, всунувшись следом в приоткрытую дверь, потеснив коллегу. — Ну, вот типичное лицо маньяка, — тут же сделал заключение он, посмотрев на Верховодцева. — Его пожалеть хочется, накормить... Маньяки они все такие. С виду божий одуванчик, а внутри дьявол.

— Что-то смотрю, ты больно разбираешься в маньяках?! — Недоверчиво, фыркнул белобрысый сержант.

— На лекции, Саня, надо было ходить почаще, а ведь там много чего про маньяков рассказывали! Кстати, ты в курсе, что этот паренек, говорят, с десятков мужиков убил? Да, убивал так зверски, что опознали некоторых только по ДНК!

— Что-то слабо верится в это, — хмыкнул недоверчиво белобрысый сержант. — Ты, посмотри на него! Поверю, если он какую-нибудь девушку в парке задушил, старушку молотком, сзади ночью наглухо завалил, но, вот, чтобы как ты говоришь из мужиков месиво сделал, вряд ли, не верится. Сам подумай, ты такого бы разве не уработал? Хотя да, ты, наверное, не лучший пример, с таким дрищем как ты, он вероятно бы тоже расправился, — съязвил сержант, расплывшись в улыбке, явно ожидая реакции на сказанное от напарника.

— Следи за языком, а то я тебе сам, наваляю, — с обидой насупился второй сержант. — Я сам слышал, как подполковник с Первухиным разговаривал, тот так и сказал, что паренек этот извращенец особый и очень жестокий, — начал оправдываться сержант, чуть подтолкнув своим плечом напарника, недовольный тем, что тот сомневается в его словах.

— А еще Верховодцев очень не любит клоунов в форме, которые вместо того, чтобы серьезно относиться к делу, стоят здесь, как две любопытные девчонки и заглядывают в приоткрытую дверь, словно в мужскую баню, — раздался позади сержантов, грубый мужской голос.

Сержанты, дружно вздрогнули, и тут же распрямившись, мгновенно развернулись на месте, громко хлопнув за спиной дверь палаты.

— Вы думаете это шуточки? — с очень недовольным выражением лица произнес опер, сверля поочередно глазами лица одного и второго сержанта.

— Ни как нет, Алексей Владимирович, — испуганно замотали головами полицейские.

— Вы думаете, следак из ГСУ просто так в нашу дыру ночью приехал? Просто так в пять утра больницу на уши поднял? — продолжал рычать опер.

— Тише, вы тише! — тут же подбежала к столпившимся у палаты полицейским дежурная сестра. — Вы здесь не одни находитесь, люди здесь же спят, причем больные, тяжело больные. А где ваши халаты? — тут же возмутилась она, с некой брезгливостью смерив мужчин с ног до головы.

— Всё, всё, всё! Мы будем вести себя тише, вы уж извините нас, — вступился второй опер. — Позвольте мне вам задать несколько вопросов. — Он быстро подпрыгнул к медсестре, взял ее легонько под руку, и тут же повел ее прочь от палаты с подозреваемым.

— И возьмете у меня халаты, не положено без них разгуливать по больнице, почему вам их сразу не выдали? — поддавшись натиску полицейского, напоследок высказала она остальным. — И не смейте входить в палату без врача...

— Не переживайте, у нас разрешение от самого министра здравоохранения, — тут же заявил опер, уводивший медсестру в сторону дежурной стойки. — Тут, даже вон, следователь

приехал из самого областного следственного комитета, так, что не думайте, что мы здесь на птичьих правах.

— Так, Саша и Паша, шутки кончились, — сбавив тон, но, не убрав с лица озлобленную гримасу, продолжил нравоучения Алексей Владимирович. — За дверью не пьяница с улицы, а настоящий убийца, который находится в федеральном розыске. И, если вы провороните, что он моргнул или пошевелил пальцем, я вам обещаю, что этот день будет у вас последний в рядах полиции. Надеюсь, я доходчиво вам объяснил о серьезности ситуации? — Он довольно сильно ткнул каждого из сержантов в грудь указательным пальцем, от чего те, чуть сморщившись от боли, испуганно, в знак согласия, закачали головами. — В палату, оба, один у кровати, второй у входа. — Опер толкнул дверь, впихнув туда сержантов, затем следом вошел и сам. — И еще! Если следователь будет интересоваться, почему мы вчера, когда получили данные по Верховодцеву, не выставили охрану у палаты, то подтвердите, что в целях предосторожности и предотвращения паники в больнице, вели наружное наблюдение за палатой и учреждением в целом. Ясно?

Сержанты испуганно и синхронно закачали головами.

ГЛАВА 6

Вадим Александрович шел по коридору второго этажа больницы, уже облаченный в белый халат, погрузившись в думы. Лоб его покрылся широкими, глубокими морщинами, взгляд был напряжен, и задумчив. Странная история, поведенная доктором, очень смахивала на пьяную фантазию, но вот эмоции, с которыми он излагал ее, давали повод задуматься о том, что часть правды в ней все-таки была. Дело Алтайского Потрошителя подполковнику сразу не понравилось. Та информация, которую предоставили следователи из Каменска, смахивала больше на сценарий из фантастического фильма. Молодой человек, за которым раньше не было абсолютно никакого криминала, приехал в небольшой городок, и за неделю совершил несколько жутких убийств. А затем взял и свалил не в соседний Новосибирск, в котором по логике вещей можно было легко затеряться среди двух миллионов жителей, а вопреки здравому смыслу решил пробраться через всю страну, найдя себе убежище в горах Ловозера. Если это и не фантастический рассказ, то все в этом деле очень сильно казалось притянuto за уши. А рассказ доктора и вовсе был чем-то лишним в этой головоломке.

На дежурной стойке, опер листал журнал сдачи дежурств, дежурная медсестра настороженно вглядывалась в сторону коридора, где располагалась палата подозреваемого. Увидев подполковника, опер закрыл журнал, отодвинул его в сторону, и, распрямив осанку, встал неподвижно возле дежурной стойки, встречая взглядом приближающегося следователя. Белокопытов подошел, поднял тяжелый взгляд на медсестру, поспешившую перед этим забежать за стойку, и недоверчиво спросил ее:

— Вы тоже были вчера свидетелем того, что рассказал мне доктор?

Лицо медсестры немного побледнело, глаза испуганно забегали. Она спешно перекрестилась, и залепетала, выговаривая слова, вкладывая в них как можно больше эмоций:

— Вот истинный крест! Я никогда такого не видела. И если бы рассказали мне такое, не поверила бы.

Опер изумленно посмотрел на медсестру, совершенно не понимая, о чем она говорит.

— Ребенок у Елизаветы Сергеевны был совсем тяжелый, операцию собирались сегодня ему делать на головном мозге, а вчера Бог решил его и вовсе к себе забрать. А этот, — медсестра кивнула головой в сторону палаты Верховодова. — Ваш, наш, больной, он ворвался в палату, что-то поворожил, и ребенок ожил. Все, у него пульса не было, и тут на тебе, ожил, — медсестра вновь перекрестилась. — А сам, тут же впал снова в кому. Ааа, — было закончила медсестра, но тут же вспомнила. — Елизавета Сергеевна, то, утром вчера к Денисычу приходила, говорила, что сон ей снился, будто этот ваш, сказал ей во сне, чтобы она принесла ему своего ребенка в палату. Это точно сатана, черт в обличие человека. Его, когда к нам привезли, мне он сразу не понравился. Я прямо чувствовала, что он прям какой-то не такой, — медсестру немного передернуло от неприязни.

— Если он черт, зачем он тогда ребенка спас? — недоверчиво спросил следователь.

— А я почему знаю! — грубо ответила медсестра. — Может душу у него забрал, я знаете, как-то не очень разбираюсь в таких вещах, и разбираться не хочу.

— Я чувствую, вы тоже вчера употребляли спиртное? — с небольшой ноткой ехидности спросил подполковник, внимательно посмотрев в глаза медсестры.

— Ха, я? Да все, кто вчера были в палате, после этого случая пили спирт, и валерьянкой запивали. Вашего Мурманского врача и вовсе пришлось под капельницу класть, с сердцем плохо стало, — недовольно ухмыльнулась медсестра. — Посмотрела бы я на вас, если бы вы вчера с нами здесь были..

— Он здесь, в больнице? — прервал эмоциональную речь медсестры опер.

— Кто врач? Нет, он вечером уехал на съемную квартиру, не стал оставаться в больнице, — замотала головой медсестра.

— Возьми у нее адрес и давай туда, его показания по вчерашнему случаю нам очень нужны, он сегодня утром походу единственный трезво соображающий, — распорядился подполковник и, хлопнув по плечу опера, пошел к палате.

— Я и говорю, посмотрела я бы вчера на вас, как вы бы сначала смерть маленького мальчика перенесли, а затем в воскрешение трезво поверили, — фыркнула медсестра, проводив подполковника не добрым взглядом.

Подполковник, войдя в палату, не обратил внимания на остальных коллег, находившихся в помещении, словно их там и не было. Взял стоящий у дверей стул, поставил его к кровати подозреваемого, а затем вальяжно уселся на нем, закинув ногу на ногу.

— Ну, здравствуй Андрюша, — поздоровался он с лежащим в коме парнем, бросив небрежно свой увесистый портфель на его ноги. — Может, угостишь меня сигареткой? А то из-за тебя у меня ночь как-то не задалась совсем, да и утро началось не с чашечки ароматного кофе и поцелуя жены, а с физиономии пьяного доктора и тошнотворного запаха перегара.

Сержанты, переглянулись меж собой, расплывшись в язвительных улыбках.

— Алексей, выстави этих клоунов за дверь! — Словно ощутив спиной несерьезный настрой сержантов, подполковник довольно грубо приказал оперу.

— А ты интересный экземпляр, — дождавшись, когда дверь в палате за сержантами закрылась, продолжил следователь. — Я, скрупулезно изучил твоё дело, но даже этого мне недостаточно, чтобы ответить на вполне обычные вопросы. Ты, понимаешь, — следователь скинул свою ногу с коленки, и склонился к Андрею. — Человек, у которого в жизни все складывается более или менее хорошо, обычно если и совершает серьезный проступок, то делает это, имея мотив, и, чем серьезнее проступок, тем серьезнее у него мотив. Я не могу в голове придумать ни одного столь веского мотива, чтобы он стоил жизни нескольких человек. Наркотики? Нет, твои анализы чисты. Алкоголь? Это сколько же надо выпить, чтобы крыша так потекла? Скажи мне, что же с тобой случилось, за что жизнь из тебя сделала зверя? Молчишь, — следователь грузно вздохнул. — А зря. Ведь даже судьба не на твоей стороне. Проехать незамеченным через всю страну, чтобы споткнуться, и упасть без сознания в горах на краю света. Даже, наверное, Бог хлопнул в ладоши от такой шутки. Только вот в чем тебя обвиняют далеко не шутки. Тебя обвиняют в очень тяжких преступлениях, и если ты считаешь, что лежать, здесь изображая впавшего в кому, лучшее решение, то ты серьезно ошибаешься. Вернее, ошибся еще вчера, когда разгуливал по больнице, вместо того, чтобы сделать отсюда ноги. Возможно, ты, конечно, не знал, что твои пальчики пробили по базе. Но сколько ты можешь бежать? Ведь ты бежишь, не от полиции, ты бежишь сам от себя. Скажу тебе одно, от совести сложно убежать, здесь расстояний нет. Поэтому давай попробуем тебе помочь, начать диалог со мной — это единственный сейчас верный путь у тебя.

— Вы думаете, он действительно притворяется? — робко спросил за спиной следователя, опер.

— Лёша! — следователь резко поднял руку вверх, дав понять замолчать коллеге. — Андрей, я буду с тобой честен, — продолжил следователь. — У меня нет ни времени, ни желания играть с тобой в игры. Я не знаю, что на самом деле произошло вчера здесь в больнице, не знаю какой фокус, ты показывал врачам, но все закончилось, представлений больше не будет. Сколько здоровый человек может пролежать неподвижно в кровати, день, два? Больше не выдержишь, больше чем уверен, что к обеду пить захочется, а к вечеру сам меня воды принести попросишь. Но, что тебе это время даст? Поразмыслить хорошо над содеянным? Придумать, как сбежать отсюда? Это нужно было делать раньше. У тебя теперь вооруженная охрана, которая даже излишне резкое подергивание твоего пальца ноги может посчитать за сопротивление и выпустить в тебя рожок патронов. Но если ты не глупый человек, а я почему-то уве-

рен, что ты довольно умен, то ты сейчас откроешь свои глаза, и поздороваяешься с нами. Ведь в противном случае ты перестанешь для меня быть жертвой обстоятельств, превратившись в расчетливого убийцу, к которым у меня и у моих коллег совсем другое отношение.

В палате повисла тишина. Следователь пристально смотрел на Андрея, пытаясь уловить мельчайшие судороги, сокращения мышц на его лице. Ничего, лицо парня, словно слепленное из воска было абсолютно непоколебимо.

Белокопытов было потянул руку к прозрачной, кислородной маске, надетую на рот и нос Андрея, но передумал.

— Ну ладно, день только еще начался, — следователь разочарованно хлопнул ладошками по своим коленям, встал со стула, взял портфель, не удержавшись от того, чтобы не потолкать его уголком ногу Андрея, а затем, повернувшись к оперу, устало сказал:

— Зови желторотых обратно в палату, пусть караулят. Если притворяется, то рано или поздно выдаст себя.

В коридоре от утренней гробовой тишины не осталось и следа. Голые стены гулко реагировали на железное постукивание и скрежет горшков и уток. Глухим эхом разносился по отделению чей-то надрывистый кашель. В конце коридора кто-то громко хлопнул дверью, выругался, а затем, раздирающим голову, звонким лязганьем, что-то железное ударилось об пол и покатилося с затухающим звоном.

— Хорошо Вадим Александрович, а все же, что, если он не притворяется? — поинтересовался опер, выйдя со следователем в коридор. — Может он действительно там, в горах хорошо головой приложился о камни.

— А он и не притворяется, — спокойно, даже с некоторой иронией, ответил следователь, чем сильно обескуражил опера.

— Ааа..., — впал в ступор опер, слегка приоткрыв рот.

— Да, Алексей, скорее всего он не притворяется и это значит, жить ваш отдел будет здесь в больнице, пока Верховодцев либо коньки не откинет, либо не очнется в далеком две тысячи пятьдесят третьем году, — с сожалением резюмировал следователь, хлопнув, обескураженного опера по плечу. — Что-то ваше руководство со следствием к нам не спешит? — спросил подполковник, посмотрев, на полицейского вопросительным взглядом.

— Нууу, Соломонов, скорее всего вас в отделе ждать будет. Между нами, — опер огляделся по сторонам и заговорил в полголоса. — Он не очень любит приезжих ментов из Мурманска, а тем более следователей из управления. Не, чтобы прям совсем, но, был у него печальный опыт.

— В курсе, — кивнул головой следователь. — Эта неприязнь у него возникла после того, как наши, пытались доказать, что это он сбил ребенка на пешеходном переходе?

— Да, из-за этого, — еще тише ответил опер.

— Должен себя ненавидеть, а не нас, — следователь словно специально повысил голос, чтобы как минимум сержанты обязательно слышали его за дверью. — Пусть скажет спасибо своему родственнику из управы и липовым свидетелям, работал бы сейчас где-нибудь охранником в пятерочке.

— Бог ему судья, мы уже давно эту тему не тревожим, от греха подальше. Он с того времени совсем с головой плохо дружит, — добавил опер немного пожившись.

— А следователь у вас тоже с аллергией на городских? Его где черти носят? — сменил не добрую тему подполковник.

— Ну, нет, что касается Андрея Склера, то я не знаю, почему он еще не здесь, я ему смс написал еще в пять утра. Мы если честно все вас ждали часов в десять, не раньше, — попытался оправдаться опер.

— К десяти уже баб в баню вызывают, а они меня ждали, артисты, — деловито ухмыльнулся следователь.

— Ну, зачем вы так, Вадим Александрович, вы же не первый к нам из города приезжаете, был опыт, поэтому и выводы сделали соответствующие, — не согласился с шуткой опер.

— Алексей Владимирович, я думаю, что коль вы не просто опер, а исполняющий обязанности начальника уголовного розыска, то и вывод вы должны делать не один на всю жизнь, а каждый раз разные и правильные, и только в этом случае первые две маленькие буквы перед вашей должностью будут носить временный характер. А вот, наверное, и наш любитель поспать, — смягчил тон следователь, заметив идущего по коридору очень быстрым шагом парня в парадной синей форме. — Словно не на службу, а на парад вырядился.

— Извините, пожалуйста, Вадим Александрович, — начал издали молодой следователь. — Я не думал, что вы так рано приедете к нам, часам к десяти ждал.

— Еще один, — усмешливо буркнул подполковник.

— Вы, почему без халата? Кто вас сюда пропускает в таком виде? — неожиданно набросилась на молодого следователя дежурная медсестра, оторвавшись от беседы по телефону, прикрыв трубку ладонью.

Следователь и опер, сочувственно поморщились.

— Да, товарищ следователь, почему вы расхаживаете по больнице, словно как на параде, оденьте немедленно халат, — поехидничал подполковник, поправив себе и оперу наброшенные на плечи халаты.

В кармане опера зазвонил телефон. Взяв трубку он, тут же протянул ее Вадиму Александровичу:

— Это Дима, опер, просит вас.

Подполковник взял телефон и, отойдя на несколько шагов, только потом, строгим голосом ответил:

— Белокопытов слушает, говорите.

— Вадим Александрович, — начал запыхавшийся голос. — Я поговорил с Куравлевым, доктором, который должен был оперировать мальчика. Он подтверждает, что вчера произошло нечто неподдающееся разумному объяснению. Говорит, что практически уже констатировали смерть мальчика, как ворвавшийся в палату пациент Верховодцев, ну подозреваемый, — поспешил поправиться полицейский. — В общем, он просто взял за руку мальчика и тот воскрес. Ну, это дословные слова доктора.

— А почему он сказал, что практически констатировали смерть мальчика, то есть была вероятность того, что он был все еще жив? — спросил подполковник.

— Я тоже задал ему схожий вопрос, на, что он ответил, что к его словам не стоит придирааться, так как показания приборов жизнедеятельности, в том числе и физическая диагностика пульса, говорили о том, что ребенок умер. При этом ребенку были проделаны реанимационные процедуры, которые так же не принесли результата. В общем, он ручается, что ребенок однозначно был уже мертв. Как-то так. А как наш там клиент, не очнулся?

— Доктор адекватен? — спросил следователь, проигнорировав вопрос опера.

— Ну, в отличие от заведующего, абсолютно трезв и рассудителен. Но заметно подавлен, видать сильно переживает из-за случившегося.

— Мальчик жив, радоваться надо. А, что он говорит по поводу нашего подозреваемого?

— Да, толком ни чего. Говорит, что парня тут же унесли в свою палату. А дальше он не знает о его судьбе, говорит, посидел еще в палате с мальчиком, а затем отправился на квартиру.

— Яснее от твоей информации не стало, наверное, мне следовало пообщаться с ним самому, — задумчиво ответил подполковник, закончив разговор. — Хватит товарищи прохлаждаться, — Белокопытов протянул телефон оперу. — Пациент у нас нынче, кроме того, что отмороженный на голову, возможно еще и очень хитрый, и не предсказуемый в своих поступках. Поэтому машина с двумя людьми должна встать в режиме ожидания у входа, этих желто-

ротых в палате подменять каждые четыре часа, а от вас я жду к обеду письменные показания всех врачей больницы, кто, так или иначе, был вчера свидетелем фокуса с мальчиком.

— А, что за фокус? — молодой следователь недоумевающе посмотрел на Белокопытова.

— Вот ты мне в двенадцать часов, об этом и расскажешь, а то, судя по слухам, шикарное зрелище было, — ответил подполковник. — И еще, кто у нас обнаружил Верховодцева?

— Ну, точно не известно, звонок поступил на 112, а там уже скорая подобрала его, — пожал плечами опер.

— Ну, вот, Диму отправь выяснить, при каких обстоятельствах был найден подозреваемый, с какого телефона звонили, в общем, сам знаешь, чем больше выясним, тем лучше, ну а я пока сделаю опись его одежды и вещей. Все, не смею никого задерживать, — резко закончил подполковник и тут же направился к дежурной сестре, продолжавшей трепаться с кем-то по телефону.

— Уважаемая, оторвитесь на секундочку, — обратился Белокопытов к медсестре.

— Я вас слушаю, — недовольно ответила она, прикрыв вновь ладонью телефонную трубку. — Это по работе, если, что! — следом уточнила она, сморщив пренебрежительно лицо.

— Да, мне это и не интересно с кем вы там трепитесь в рабочее время. Вы лучше скажите, кто отвечает за вещи больных у вас в больнице? Где хранятся они?

— На первом этаже, в приемном отделении спросите дежурную медсестру, сегодня Людка должна быть, Панфилова. Ну, там спросите, язык говорят до Киева доведет, — выдала скороговоркой медсестра и, закатив глаза, аляповато подведенные темно-синими тенями, уставилась на Белокопытова с таким видом, что задавать еще какой-либо вопрос желания у следователя не возникло.

Людка Панфилова оказалась единственным медицинским сотрудником, который находился сейчас в просторном приемном отделении. Хрупкая, белобрысая девчонка лет двадцати пяти, с красивыми, выразительными глазами, слегка вздернутым носом, сидела, сгорбившись за столом, пролистывая страницу социальной сети в своем телефоне.

— Извините, вы Людмила? — следователь постучал костяшками пальцев о косяк распахнутой двери кабинета.

Девушка, от неожиданности вздрогнула, выронив телефон из рук. Хотела было выругаться, но увидев серьезного мужчину, молча кивнула головой, быстро прикрыв телефон чьей-то больничной картой.

— Я следователь по особо важным делам Белокопытов Вадим Александрович, — продемонстрировав корочки, он вошел внутрь.

— Ага, — медсестра вновь кивнула головой, уставив растерянный взгляд на подполковника.

— Мне сказали, что вы ответственная за хранение вещей больных, это так?

— Да нет, у нас нет такой должности, просто я сегодня дежурная, — с дрожью в голосе ответила девушка.

— Что вы так разволновались то? — усмехнулся Белокопытов. — Я не по вашу душу пришел, — добавил он. — Мне просто нужна ваша помощь.

— Это, несомненно, радует, но, чем я могу вам помочь? — с облегчением выдохнула Людмила, не сводя со следователя растерянного взгляда.

— К вам на днях привезли в бессознательном состоянии одного парня, его нашли в горах, помните такого пациента?

— Да, конечно, я же тогда на дежурстве была, — спешно закивала головой девушка.

— Замечательно, — улыбнулся следователь и, не спрашивая разрешения присесть, шлепнулся на кушетку, стоящую у стены. — Людмила, мне нужно осмотреть одежду и вещи, которые были при этом парне, когда он поступил к вам.

— Ну, я думаю, вам здесь моя помощь будет не нужна, — ответила девушка, расплывшись в смущенной улыбке. — При нем не было ни вещей, ни одежды.

— Он, что был голый? — удивился следователь.

— Ага, абсолютно голый, — утвердительно закивала головой медсестра.

— Интересный момент, однако, — постучав по портфелю пальцами, резюмировал следователь. — Может, припоминаете что-нибудь интересное, может кто-то из бригады скорой помощи, что рассказывал, ну как нашли его, может, видел кто что-нибудь интересное?

— Да нет, — пожала плечами девушка. — Сразу почему-то решили, что это турист, заблудился, ну, упал, ударился. В горах всякое бывает.

— А то, что он голый был, это ни кого не смутило? — удивленно спросил Белокопытов.

— Люди, сейчас какие пошли, ничем не брезгуют. Если прилично был одет, может и раздел кто, подумав, что тот уже оочурился, а что трусов не было на нем, так он может и не носил их вовсе, — развела руками девушка. — Его, когда к нам привезли, мы сразу об этом сообщили вашим. У нас как-то тоже было, что-то похожее, привезли мужчину в майке и трусах, с сильным переохлаждением. Так он, когда в себя пришел, рассказал, что заблудился, а одежду снял с себя в воде, когда она его под своей тяжестью на дно потянула. Поэтому ни чего такого мы себе не накручивали, всякое бывает, да и начинаешь привыкать здесь ко всему, сквозь пальцы на многие вещи смотришь, главное ведь сам человек, а не его одежда и прочие шурушки.

— Издержки профессии, я понимаю, — добавил следователь. — Ну, а в каком состоянии он к вам прибыл, понятно, что без сознания, ну там раны, ушибы, гематомы?

— Да нет, — выпучив слегка нижнюю губу и закатив задумчиво глаза, ответила Людмила. — Синюшный весь только был, как из морга.

— То есть как? Ни каких травм не было? От чего-то же он впал в кому тогда? — недоверчиво возмутился следователь.

— Ну, правда, — съежилась девушка. — Вам лучше с Анатолием Денисовичем на эту тему поговорить, я диагнозы не ставлю. Он сказал, что кома могла у него наступить абсолютно от чего угодно. Решили, что он сильно переохладился. Ведь и правда, сколько он там голышом лежал день, два, неделю. Никто не знает.

— Ладно, Людмила, извините за мой скептицизм, работа такая. Что-то у вас пустынно как-то здесь, вы одна дежурите сегодня? Вроде рано утром народу побольше было, — следователь обвел глазами большой кабинет.

— Артем где-то ходит, может, курит на улице. Остальные на выезде, что-то с утра у стариков обострение какое-то, вызовов десять приняли, может на солнце вспышки какие.

— Ну, доживем до старости, узнаем, — улыбнулся следователь. — Спасибо вам Людмила еще раз. Я халатик у вас оставляю, а чуть позже приду и возьму его. Хорошо?

— Да, конечно, повесьте его на плечики, — девушка встала из-за стола и направилась к шкафу.

— Да, не стоит, я вот на вешалку его пристрою, — следователь спешно скинул халат с плеч, повесил его на крючок, обернувшись, оценивающе смерил взглядом стройную фигурку девушки, наигранно улыбнулся ей и вышел из приемного отделения.

— Гнасюк у телефона, — ответил хриловатый голос.

— Привет, это Белокопытов.

— Ого, не успел я, и соскучиться по тебе, — съехидничал в ответ мужчина на другом конце провода.

— Моя бы воля, не давал бы вообще тебе возможности скучать по мне, но вот по распоряжению руководства, вынужден покинуть на время славный город Мурманск, — рассмеявшись, поддержал ехидство оппонента Белокопытов.

— Ну, чувствую не восхищением от пейзажей Ловозера, ты звонишь со мной поделиться, — усмехнулся Гнасюк.

— А ты проницательный, однако. Слушай, Кеша, — вздохнув подполковник, сменил свой тон на более серьезный. — Здесь у меня подозреваемый лежит в больнице, вроде как в коме. Все бы ничего, но вчера говорят, он вышел из комы, походил по больнице, а затем снова впал в кому. Ты скажи, может ли такое быть или мой клиент искусный симулянт? Видимых физических травм, сразу уточню, на его теле нет.

— У тебя там, что врачей в больнице нет? — удивился вопросу Гнасюк.

— Есть, но мне нужно твое экспертное мнение.

— Нууу, — затянув важно ноту, задумался Гнасюк. — Сложные ты вопросы задаешь человеку, у которого живой клиент бывает так же часто, как у археолога при раскопках живой мамонт.

— Ты же судмедэксперт, тот же медик, только квалификацией повыше, чем любой врач здесь в округе, — поспешил возвысить коллегу следователь.

— Спасибо за комплимент, поделюсь с тобой конечно мыслишками, но мое мнение не принимай за чистую монету, — важно ответил Гнасюк.

— Хорошо, — буркнул Белокопытов. — Говори все, что думаешь, мне оно лишним не будет.

— Ну, то, что нет серьезных физических повреждений тела это еще ни о чем не говорит, кома может быть и как результат серьезной травмы нервной системы организма, явной или не явной, без разницы, — начал говорить Гнасюк, медленно и с выражением, словно студентам под диктовку на лекции. — Но скажу тебе точно, если пациент находился в коме и не один день, а неделю и более, то просто так встать и пойти он точно не сможет. Ведь травма, которая вызвала кому, должна нанести серьезный урон организму, вследствие этого организм, грубо говоря, входит в критический режим работы. Не всегда люди даже пальцем пошевелить могут, выйдя из комы, а ты говоришь ходить.

— А переохлаждение может вызвать кому? — живо поинтересовался подполковник, воспользовавшись паузой коллеги.

— Да, если кровь плохо поступала в мозг, вследствие замедления сердечной активности, то вполне возможно, что гипоксия могла вызвать кому. Но ты не спеши делать выводы. В медицине столько неординарных случаев бывает, что легко могут быть исключения из правил. Скажу одно, симулировать кому, это полнейшая глупость, выбрось эту мысль из головы. Врачи в глубинке не настолько похожи на приматов, как ты думаешь, и тому кому они диагностировали кому, думаю сделали это не на основе закрытых глаз твоего подозреваемого.

— Все равно, мне поговорить с тобой было необходимо, голос у тебя способствует правильному построению мыслей. Ты же знаешь, гнилая мысль она как червячок, точит мозг до тех пор, пока либо ее не опровергнешь, либо не подтвердишь. Спасибо мой оракул, с меня кофе, — вполне довольный ответом коллеги, следователь подвел разговор к концу.

— Ну, прям как бальзам на душу, — рассмеялся Гнасюк. — Соскучишься, звони!

ГЛАВА 7

Время было уже около полудня. В палате, где лежал Верховодцев, царила полнейшая тишина. Вышедшее из-за угла здания солнце, весело играло своими лучами, отраженными от окон соседнего корпуса. Стоявший возле дверей сержант, оперевшись от усталости спиной на стену, сонным взглядом наблюдал за солнечными зайчиками, хаотично прыгающими с пола на кровать и обратно, пытаясь хоть как-то развлечь себя. Внезапно нога Андрея подернулась. Сержант тут же встрепенулся, распрямившись словно струна. Осознав, что в этот момент, он находится один на один в палате с подозреваемым, сержант болезненно скривился в лице, в голове мгновенно нарисовалась короткая зарисовка того, как Верховодцев превращается в мерзкого оборотня и рвет его на части острыми когтями. Сержант на секунду замешкался, но тут же вспомнил о тяжелой железяке, висевшей у него за спиной. Спешно, вскинув из-за спины автомат, он нервно передернул затвор, и направил ствол на Андрея.

— Стой, стрелять буду! — словно ждавшая своего момента фраза, тут же соскочила с языка сержанта. — Паша, Вадим Александрович, быстрее, он ожил! — истерично закричал сержант и, не спуская глаз с Андрея, судорожно дернул рукой на себя дверь палаты.

Первым в палату вбежал подполковник, за ним, неумело скидывая с плеча автомат, вбежал второй сержант с широко выпученными от страха глазами.

Подполковник, остановился возле кровати Андрея, бегло осмотрел подозреваемого, пробежался по показаниям диагностического оборудования, затем повернулся к поднявшему шум сержанту, и недоуменно развел руками.

— И? — вопросительно протянул он. — Кто ожил?

В следующую секунду в палату вбежал Скляр и Алексей.

— Что произошло? — разом спросили они, завертев головами по сторонам, не понимая, что происходит.

— Он, он дернулся, ну шевельнулся! — Испуганно заблеял сержант, поспешив опустить ствол автомата в пол.

Подполковник и все остальные посмотрели еще раз на подозреваемого.

— Он, ногой дернул, словно вскочить хотел, — заикаясь, добавил сержант.

— Он, ногой пошевелил, а ты чуть в штаны не навалил? Что было бы с тобой, если бы он вскрикнул ненароком? — Переведя дыхание, отчитал в шуточной форме, сержанта опер. Мужчины дружно закатились. Белокопытов тут же, велел всем заткнуться, указав жестом на дверь, в которую тут же вбежала медсестра, жадно впившись озлобленным взглядом в подполковника.

— Вы, почему так ведете себя безответственно? Это больница же! Сколько вам раз говорить, что так себя вести здесь нельзя.

— Извините, пожалуйста, — виновато ответил Белокопытов, выпроваживая жестами всех прочь из палаты. — Это произошло случайно, больше такого не повториться, уверяю вас!

— Очень надеюсь, — не меняя своего серьезного выражения лица, кивнула в ответ медсестра.

— Так, ты тоже на выход! — потянул он за собой сержанта, косящего свой взгляд на Верховодцева. — Пошли, возле дверей будешь теперь дежурить!

— Вон, вон, смотрите, — встрепенулся сержант, отчего от неожиданности Белокопытов и медсестра разом вздрогнули. — Дернулся! Нога! Снова! — все разом обернулись к Андрею.

Нога подернулась вновь, затем медленно разогнулся указательный палец на руке, после чего Верховодцев натужно, еле слышно застонал. Все замерли. Вдруг, в следующее мгновение, Андрей, резко растопырил пальцы, сухожилия на руках напряглись, кардиомонитор противно запищал. Пальцы с силой впились в матрац, он выгнул грудь дугой, словно его поразил раз-

ряд тока, что-то неразборчиво прокричал сквозь кислородную маску, затем резко упал на кровать, замолчал, разжал пальцы и, открыв глаза, испуганно уставился в потолок. Кардиомонитор затих.

Все настороженно, молча, смотрели на Андрея, не решаясь сделать какое-то действие. Наконец Белокопытов ткнул пальцем в спину медсестры, кивнув головой в сторону пациента. Та от неожиданности не громко взвизгнула.

— Посмотрите, что с ним!

Медсестра неспешно подошла к кардиомонитору, потом склонилась над Андреем и поводила рукой перед его глазами.

Андрей отреагировал. Несколько раз моргнул, пытаясь сфокусировать свой взгляд на человеке, который сейчас склонился над ним.

— Вы меня видите, слышите? — робко поинтересовалась медсестра у Андрея.

— Да, а где я? — невнятно, сквозь маску, нутужно прохрипел Андрей.

— Доброе утро, Андрей Александрович, — всплеснул руками Белокопытов, сделав тут же спешные шаги к Верховодцеву. — Я буквально только поздороваться! — Белокопытов посмотрел на медсестру, внутреннее напряжение которой уже явно было близко к критическому.

— Покиньте, пожалуйста, палату! — грубо потребовала она.

— Как ваше самочувствие? — словно не слышав требование медсестры, продолжил беседу Белокопытов с подозреваемым.

Андрей испуганно заводил глазами по помещению, затем резко сдернул маску и еле слышно, взволнованно выронил:

— Вы кто? — кардиомонитор тут же отозвался противным писком, давление повысилось, ритм сердцебиения сбился. Испуганный взгляд Андрея уперся в сержанта, стоявшего возле входа в палату, вцепившегося намертво руками в автомат.

— Убери оружие! — Прошипел ему опер и, схватив за рукав, вытянул его в коридор.

— Да, что же это такое, думаете не найдем на вас управы, — обиженно выругалась медсестра, судорожно ища что-то в коробке с ампулами стоявшей на тумбочке рядом с кардиомонитором. — Да, что же это такое.... Анатолий Денисович! Анатолий Денисович! — схватив какую-то ампулу, медсестра, начала звать доктора, тут же выскочив из палаты. Полицейские, прилежно выстроились вдоль стены по обе стороны от палаты, словно садовые растения украшающие коридор.

— Мы кто? Мы твои друзья, — растянуто ответил подполковник, соображая сколько у него есть времени, до того момента пока его беседу не прервет медперсонал. — Ты разве не помнишь меня? Мы пришли тебя проводить.

Андрей сощурил глаза, пытаясь внимательно разглядеть подполковника.

— Я вас не знаю! — Андрей заерзал по кровати пытаясь приподняться на подушке. — Я в больнице? — на мониторе вспыхнули красные квадратики. — Почему здесь полицейские?

В палату вбежал Анатолий Денисович, за ним, словно верный и злой пес, вбежала медсестра.

— Вот, смотрите, что натворили, — она ткнула пальцем в монитор, быстро подбежав к нему.

— Пожалуйста, покиньте палату, — настоятельно потребовал Анатолий Денисович. — Я, вас прошу пока по-человечески, вы, что не видите, что ситуация критическая, вы хотите, чтобы человек умер? Тогда чем вы будете лучше убийц, которых ловите?

Андрей округлил глаза, с опаской посмотрев на подполковника.

— Да, конечно, — недовольно сморщил лицо Белокопытов, и натянуто улыбаясь Андрею, откланиваясь, как гусар на балу, стал покидать палату.

Через полминуты он вошел в палату вновь, и быстро подойдя к кровати больного, схватил небрежно Андрея за руку и приковал ее к дуге изголовья наручниками.

Анатолий Денисович ошеломленно посмотрел на Белокопытова.

— Для вашей же безопасности Анатолий Денисович, — оценив реакцию доктора, сказал Подполковник и, дружески хлопнув его по плечу, вышел вон.

— Что происходит? — испуганно вскричал Андрей, дернув с силой прикованную руку, голова тут же отозвалась противной сверлящей болью, отчего он съёжился, зажмурил глаза, пережидая, когда утихнет боль.

— Анатолий Денисович, поддержите ему руку, я вколю нитразепам, — брызнув тонкой струйкой лекарства из шприца, шепотом сказала медсестра, осторожно приблизившись к Андрею.

— Отпустите меня, отпустите, — испуганно вскричал Андрей, увидев перед собой укол. — Не надо, пожалуйста. Что происходит? Что произошло, почему я в больнице?

— Успокойтесь, пожалуйста, вам нельзя сейчас нервничать, — грубо вскрикнул доктор на Андрея, но тут же смягчил тон. — Я доктор, я не сделаю вам ничего плохого, прошу поверить мне! Пожалуйста!

— А они кто? Этот вот, который меня приковал, кто он? — Не унимался Андрей.

Анатолий Денисович тяжело вздохнул, обреченно закатив к потолку глаза. Отголоски похмелья напомнили о себе, на мгновение он почувствовал себя дурно.

— Андрей, успокойся, наконец! Ты живой, это главное. — Борясь с болезненным спазмом желудка, протянул доктор. Наконец, спазм успокоился, и доктор облегченно продолжил: — Давай сейчас поставим тебе успокаивающее, и я постараюсь тебе все рассказать, ну только то, что знаю.

Андрей раздосадовано прикусил губу и посмотрел на доктора слезливым взглядом.

Доктор поймал себя на мысли, что не знает как себя вести правильно с этим уникальным пациентом. Доверять ему, или наоборот быть максимально осторожным. Анатолий Денисович задержал свой взгляд на измученном лице парня, глазах, наполненных страхом, пробежал взглядом по тонким, длинным пальцам, лишенным трудовых мозолей, ладоням. В голове промелькнул вчерашний момент, когда, еле держась на ногах, этот парень вошел в палату и каким-то образом вернул с того света безнадежно больного мальчишку.

— Нет, — категорично, звякнуло в голове доктора. — Полицейские явно, что-то путают, или делают это либо намеренно, либо идут по какому-то ложному следу. Парень явно, не может быть убийцей.

— Доверяй мне! — нежно, по-отцовски, произнес доктор. — Тебе нужно успокоиться, для того, чтобы не усугубить свое состояние, это важно, поверь мне. Твое здоровье сейчас важнее всего здесь происходящего. — Анатолий Денисович взяв у медсестры шприц, аккуратно потянул его к плечу Андрея.

— Поклянитесь чем-нибудь, а лучше кем-нибудь, что вы мне не вколите ничего, что может мне принести вред! — заявил Андрей, чуть отодвинувшись от края кровати, где стоял доктор.

Анатолий Денисович улыбнулся.

— Клянусь Андрей, клянусь всем, что мне дорого! Я же врач, а не палач! Веришь мне? — осторожно поинтересовался Анатолий Денисович.

Андрей растерянно посмотрел на доктора, и еле заметно кивнув головой, протянул ему свою руку.

— Молодец! — похвалил его Анатолий Денисович и медленно начал протирать плечо ваткой пропитанной спиртом. — У тебя вероятно травма головного мозга, какого рода пока сложно понять. Это очень опасно, пойми. Голова — это центр управления, с ней шутить не

стоит. У меня в шприце обычное успокоительное, оно абсолютно безобидно. Ты успокоишься, это сейчас важно для тебя.

— А где мои родители? Где моя жена? — неожиданно поинтересовался Андрей.

Доктор поспешил воткнуть шприц в плечо, аккуратно выдавив содержимое.

— Все хорошо, молодец, все будет хорошо, — Анатолий Денисович проигнорировал вопрос Андрея.

— Я попал в аварию? Я кого-то сбил? — Андрей продолжал сыпать вопросами.

— Андрей, я, правда, ничего об этом не знаю, — тяжело вздохнув, ответил Анатолий Денисович. — Ты попал к нам в бессознательном состоянии, что было до этого момента, я тебе, к сожалению, подсказать не могу. А вот эти люди! — Доктор кивнул головой в сторону двери в палату. — Зачем они здесь я точно не знаю, говорят, что пришли задать тебе несколько вопросов.

— Вопросов?! А зачем они меня приковали к кровати? — нервно ответил Андрей.

— Ты главное успокойся, тебе нельзя сейчас нервничать, — вмешалась медсестра.

— Я успокоился, — тяжело дыша, недовольно ответил Андрей.

— Вот ты сам помнишь, что было с тобой до того момента как ты очнулся здесь? — осторожно, практически шепотом, поинтересовался доктор.

Парень опустил глаза и задумался.

— Я помню только дорогу, я куда-то ехал, потом яркий свет или вспышка, — неуверенно начал он. — Много, что помню до этого момента, но вот, после, ничего.... Совсем ничего.

Анатолий Денисович, бросил взгляд на чуть приоткрывшуюся дверь в палату, и немного помедлив, шепотом добавил:

— Тебя нашли в горах, голым, без одежды, — доктор достал небольшой фонарик. — Позволь мне осмотреть твои глаза?

— Голым? В горах? — потупился на доктора Андрей.

— Да, странно, согласен. Давай я немного уделю времени твоим глазам, — настоял доктор.

Андрей, на несколько секунд впав в некоторое раздумье, наконец, в знак согласия кивнул головой и, открыв широко глаза, дал возможность Анатолию Денисовичу приступить к процедуре.

— Вот и молодец! — похвалил Андрея доктор и, усевшись рядом на кровать, принялся светить фонариком ему в глаза. — Помнишь, как зовут маму, папу, где ты живешь? — осторожно поинтересовался он, убрав фонарик от глаз.

— Вроде, — задумавшись на мгновение, ответил Андрей.

— Это очень хорошо. А вчера? Ты помнишь, что было вчера? — уже возбужденно спросил Анатолий Денисович, уставившись на Андрея искрящимся взглядом.

— Неет, — недоумевая, замотал головой Андрей. — Меня вчера нашли?

— Нет, ты вчера совершил большое чудо!

Андрей, с еще большим недоумением посмотрел на доктора.

— Ты спас маленького мальчика, выцарапал его из рук смерти. Я не знаю, как ты это сделал, но ты его спас. Не помнишь? Совсем?

Анатолий Денисович почувствовал, как заслезились глаза, поспешил их протереть рукой.

— Нет, ничего такого. Я только помню белый, яркий свет, противный звук, словно клаксон у грузовика, дорогу, ночную дорогу. Полоски белые бегут от меня слева, — ответил Андрей. — Но я не помню никакого мальчика, простите, — расстроено добавил он.

— Ну, ничего, обязательно вспомнишь, — грустно улыбнулся доктор. — Это было неестественно круто! Ты взял его за руки, и

Анатолий Денисович осторожно взял за руку Андрея. Робко сместил свой взгляд на его ладонь, пытаясь рассмотреть, изучить, наконец, почувствовать какую-то сверхъестественную

энергию, излучение, тепло.... Обычная рука, тонкие, длинные пальцы, узкая ладонь, ничего необычного.

— Они пришли из-за этого мальчика? — Поинтересовался Андрей, у утонувшего на секунду в размышлениях, доктора. — Но почему тогда этот мужик приковал меня наручниками, вы же сказали, что я его спас? Или, я, что-то неправильно понял?

— Нет, нет, нет, — затряс головой доктор. — Ничего вы плохого с мальчиком не сделали! Наоборот, вы сделали только хорошее. Наручники, это, это, — доктор взволнованно прикусил губу, подбирая ответ, косясь взглядом на приоткрытую дверь палаты. — Я не знаю, почему они это сделали, правда, поверь мне, — болезненным голосом ответил доктор, чуть сильнее сжав в своих ладонях кисть Андрея. — Поверь мне, пожалуйста! Я твой друг, ты можешь мне доверять!

— Мне очень сложно доверять в моем положении, извините доктор, — Андрей выдернул свою ладонь из рук доктора, и резко повернув голову в сторону, встретился с взглядом Белокопытова, который с ехидной улыбкой, наблюдал за ним в щель приоткрытой двери.

— Что вы там прячетесь, цирк какой-то устраиваете! Может, вы, мне расскажете, что произошло со мной, почему я в наручниках? — Андрей злобно вскрикнул на Белокопытова.

Медсестра, чуть пискнув, тут же отпрянула назад, спрятавшись за спиной Анатолия Денисовича.

— Андрей, прошу вас, успокойтесь! — Доктор сделал попытку поймать руку Андрея, но встретив его холодный, злобный взгляд, тут же прижал свои руки к груди, недружелюбно уставившись на подполковника.

— Я не могу работать в такой обстановке, вы нервируете пациента, усугубляете его и без того неудовлетворительное состояние! — Анатолий Денисович неожиданно отскочил от кровати, вскинул руками, пытаясь показать свое недовольство происходящим.

Подполковник словно ждал подходящего момента, чтобы перейти к действиям. Он открыл дверь и все с той же ехидной усмешкой на лице, важно вошел в палату.

— Доктор вы закончили процедуры? — с железным спокойствием спросил он, уставившись вопросительно на Анатолия Денисовича, отчего тот впал в ступор, молчаливо уставившись на подполковника.

Взгляд Белокопытова был каменный, словно, обращение к доктору было простой формальностью. Был бы ответ отрицательный или положительный, в этом взгляде говорило все о том, что действия следователя были определены и непоколебимы. Поняв это абсолютно и бесповоротно, Анатолий Денисович, тем не менее, выдал блеющее:

— Нееееет!

Отчего сам этого напугался, но тут же неожиданно для себя почувствовал какую-то внутреннюю легкость, словно затерявшаяся со вчерашнего вечера порция коньяка, сейчас раскатилась по стенкам желудка, придав смелости и уверенности. В голове глухим эхом зазвенели мысли, которые, словно волна цунами, нахлынули с приходом этой неожиданной легкости.

— Ну, что может сделать тебе этот следователь? Ты защищаешь здоровье своего пациента. Это для них он убийца, подозреваемый, кто угодно, а для тебя это пациент. И не просто больной, а герой. Сколько восхищений было у тебя его совершенным немыслимым поступком?! Ты приравнивал его к Богу, считал пришельцем, чудотворцем, что сейчас поменялось? Ты веришь следователю? Посмотри на Белокопытова, он привык брать и ломать, сгибать людей под систему. Для таких людей нет понятия справедливости, есть план, статистика и его личное мнение. Приковал больного, изнеможенного паренька наручниками к кровати, что дальше? Сломает еще одну судьбу, покажет свою силу, власть. Да, мальчика ты вряд ли спасешь от лап Цербера, и не тебе быть судьей в этом деле, но посмотри на себя, ведь в твоём доме, где ты хозяин, учитель, отец и творец, об тебя вытирают ноги, не считаются с твоим мнением и наплюют на твои правила.

Анатолий Денисович, нервно облизал губы, в попытке ощутить хоть какой-то привкус коньяка, которого сейчас ему так не хватало.

— Ты будешь проглатывать эту наглость? — внутренний голос доктора еще более требовательно прозвенел в голове. — Вот еще раз ты покажешь свою бесхребетность, и об тебя начнут вытирать ноги сначала остальные полицейские, а потом и медперсонал. Соберrrrrись, тряпка! — противно, словно советский будильник, поднесенный вплотную к уху, задребезжало в голове доктора.

Лицо доктора передернуло, скулы напряглись, кожа побагровела.

— Прошу, выйдите! — Анатолий Денисович указательным пальцем указал на дверь Белокопытову, поспешив тут же спрятать руки за спиной. — До вас, вероятно, не доходит, хотя я вам уже в сто первый раз говорю, что пациенту надо успокоиться!

Каменный взгляд следователя вспыхнул колючим пламенем. Он с изощренным ехидством посмотрел на доктора, и на мгновение, задумавшись, медленно почесал рукой подбородок, не сводя колкого взгляда с доктора. Анатолий Денисович понял, что сейчас последует ответ, и скорее всего достаточно неприятный. Готовясь к нему, он сухо слотнул, но неожиданно для себя продолжил, хоть и сильно смягчив тон:

— Вы должны понять, пациент очень слаб, я не разрешаю вам здесь, в палате, находиться. Если вам это не нравится то, можете жаловаться на меня хоть в Минздрав!

— Ладно, как скажите доктор, — подозрительно спокойно поддался Белокопытов. — До скорой встречи! — подмигнул он Андрею, и направился к выходу из палаты.

Анатолий Денисович зажмурил глаза, и осторожно с облегчением выдохнул. Чтобы хоть как-то сгладить свою жесткость, он решил препроводить следователя до двери, аккуратно одной рукой коснувшись его спины, второй указывая на дверь. Уже в дверях, Белокопытов остановился, и, повернув голову, посмотрел на доктора взглядом человека, который задумал, что-то не доброе. Анатолий Денисович встретив взгляд следователя подернулся и чуть скривился в лице. В следующую секунду Белокопытов ухватил Анатолия Денисовича за руку и вытянул его следом за собой в коридор, захлопнув дверь палаты.

— Что такое?! — доктор испуганно выкатил глаза на подполковника, вжавшись испуганно в стену. — Что вы себе позволяете?!

— Пардон, миссё! — тут же извинился Белокопытов, убрав руки от доктора, наигранно поправив на нем воротник халата. — Анатолий Денисович, давайте уже не будем развивать конфликт, поверьте, я вас раздавлю и не замечу, что испачкал свои ботинки, — Глядя в глаза доктора, с усмешкой произнес следователь. — Давайте пойдем мирным путем, хорошо? — доктор кивнул головой. — Вот и замечательно, уделите мне сейчас, пожалуйста, всего лишь пол минутки времени, и мы сядем вновь с вами в одну лодку и поплывем, гребя в одну сторону, — с особой вежливостью, попросил Белокопытов доктора, оставляя в своем голосе нотки чуть уловимой фальши.

Анатолий Денисович недоверчиво осмотрел хмурые лица, стоящих полукругом полицейских.

— Я согласен, давайте не будем развивать конфликт, — чуть замывшись, согласился доктор. — Я вас слушаю!

Дверь в палату открылась, оттуда выглянула медсестра.

— Мы сейчас, — вежливо кивнул ей следователь. — Буквально на минутку я у вас заберу Анатолия Денисовича. А вы не оставляйте пожалуйста больного без присмотра! — с особой важностью сказал он.

Медсестра недоверчиво покосилась на доктора, тот молча, в ответ кивнул головой.

— Хорошо, — еле слышно пискнула она в ответ и тут же закрыла дверь.

— Присмотри там! — Белокопытов кивнул головой одному из сержантов.

Тот приоткрыл дверь, сунув голову внутрь.

— Лежит! Все спокойно! — шепотом отпартовал сержант, вынырнув обратно.

— Продолжай наблюдать, — ответил Белокопытов, переключившись вновь на доктора.

— Прошу извинить, — Белокопытов, пальцами потерябил воротничок халата доктора. — Просто поймите ситуация очень серьезная, вы, наверное, и сами догадываетесь, что просто так меня бы к вам не послали.

Белокопытов поднял голову, наконец, оставив в покое халат доктора, и посмотрел на Анатолия Денисовича уже серьезным, но вполне внушающим доверие, взглядом.

— Понимаю, — закивал головой Анатолий Денисович.

— Вот и хорошо, что мы начали друг друга понимать, — одобрительно похлопал по плечу доктора, Белокопытов.

Анатолий Денисович этот жест не одобрил, недовольно посмотрев на расположившуюся, на его плече, увесистую руку следователя. Белокопытов, словно, не заметив его эмоции, и продолжил. — Опишите в трех словах состояние Верховодцева, вот, что думаете, то и говорите. Мне не нужны медицинские, заумные фразы и термины, важно просто ваше мнение, на понятном мне языке, — радушным тоном продолжил следователь, так и не убрав руки с плеча доктора.

— Вы понимаете, здесь все очень запутано, — как растерян начал доктор.

— Вот давайте вы не будете вспоминать про чудеса, исцеления и прочее! — Предугадывая, в каком направлении хочет продолжить доктор, резко вставил следователь. — Представьте, что вчера ничего не было. Просто представьте! — Белокопытов сделал небольшую паузу и пристально посмотрел на доктора. — Опишите мне только то, что касается состояния Верховодцева. Я вот как-то скептически отношусь к его коме, очень уж... — Белокопытов хотел вставить слово, «странно», но тут же осекся. — Мне кажется люди после комы, не выглядят такими, ну жизнеспособными.

— Хорошо! — быстро согласился доктор. — Я не берусь пока ничего говорить, но рефлексы зрачков хорошие, мышечная активность в норме, и вы правы, все это не типично для человека, вышедшего только, что из комы, по крайней мере, я такое раньше не встречал. Я утром и то дольше в себя приходил, — попытался пошутить доктор, Белокопытов в ответ чуть натянул улыбку. — Надо наблюдать дальше, главное ему сейчас не волноваться, это очень важно. Я дал ему успокоительное, и он сейчас уснет.

— Опять? — недовольно возмутился опер.

— Да, покой сейчас ему очень важен, я до вас это и пытаюсь донести, а вы пытаетесь устроить ему допрос. Вы угрожаете ему! — Анатолий Денисович чуть повысил голос, посмотрев на опера.

— А не мог он изображать кому, ну, притвориться, например? — Вернул внимание доктора к себе, Белокопытов.

— Да, что вы! — Анатолий Денисович, улыбнулся, одарив Белокопытова профессорским взглядом, смотрящего на студента-делитанта, ничего пока еще не соображающего в медицине. — Этого не может быть! Вы знаете, что...

— Я вас услышал Анатолий Денисович, — резко перебил его Белокопытов, явно не желающий выслушивать лекцию. — Спасибо вам огромное. — Он убрал наконец руку с его плеча и закончив беседу рукопожатием, вежливо приоткрыл дверь в палату, впуская туда доктора. — Занимайтесь пациентом, парни побудут здесь! Это ради вашей же безопасности. Поверьте мне!

Анатолий Денисович недовольно осмотрел лица стоящих рядом полицейских, тяжело вздохнул и молча вошел в палату, закрыв плотно за собой дверь.

— Да точно не притворяется, — поспешил тут же заключить Скляр. — Нельзя так изящно изображать кому и беспомощность. Я вон у персонала поспрашивал, все говорят...

— Ну, у тебя-то опыта в таких делах за плечами, однозначно — целые горы! — Перебив молодого коллегу, усмехнулся Белокопытов. — Давайте не будем раньше времени делать

выводы. Очнулся и, слава Богу. Подождем пока. Как только его можно будет допросить, допросим, а потом и выводы сделаем.

— Ну, что двое из ларца, одинаковы с конца, я так понимаю вы знаете свое задание на ближайшие пять часов? — хлопнул в ладоши опер, обратившись к сержантам.

— Наблюдать? — робко ответил один из сержантов.

— Ты прав как никогда, — иронично ответил опер, заглянув в чуть приоткрытую дверь. — Ооооуу, Денисыч что-то этой мымре, медсестре, размусоливает, распоряжения какие-то дает, пальцем в нас тычет.

— Наш хлопец, как там? — кинул быстро Белокопытов.

— Вроде спит, — пожал плечами опер.

— Ладно, все не мельтеши, с доктором нам тоже сориться не нужно, кто его знает как там дело дальше пойдет, — Белокопытов аккуратно отодвинул от двери опера. — Скляр и ты, Леша, со мной, остальные смотрят в оба, меняются в туалет по очереди. Чтобы как минимум два глаза смотрели постоянно на Верховодцева, — пригрозил пальцем Белокопытов сержантам.

— Позавтракаем и обратно в больницу, — обозначил, спускаясь по лестнице Белокопытов.

— Ну, так-то обед уже, — поправил его плетущийся позади Скляр.

— Вот для тех, у кого вдруг настало время обеда, тот идет и работает, а у нас всего лишь еще только завтрак, — обиженно ответил Белокопытов, обернувшись и смерив недовольным взглядом молодого следователя. — А обед у тебя наступит в шесть вечера и это при условии, что мы получим от Верховодцева чистосердечное признание.

— Так точно! — опустив глаза вниз, ответил Андрей и молча развернувшись, побрел обратно вверх по лестнице.

— Я не завтракал, — округлив глаза, спешно отрапортовал опер, подняв руки вверх, растянув на лице улыбку.

Белокопытов не оценил шутку Алексея, и ничего не ответив, молча, заспешил по лестнице вниз.

ГЛАВА 8

Белокопытов, с задумчивым видом вошел в отдел полиции, не обратив внимания на отдавших ему честь на входе двух полицейский, чем вызвал негодования на их лицах.

— Товарищ подполковник, извините, пожалуйста, подождите, — взволнованно окликнул Белокопытова, округлых форм сержант, сидевший за столом в дежурной части.

— Что? — с трудом вынырнув из своих раздумий, следователь остановился и с недопонимающим взглядом уставился на сержанта.

— Вадим Александрович! — сержант неуклюже выбежал из своей комнатки и, выпрямившись как струна перед Белокопытовым, отдал честь, обнажив свое округлое пузо, которое выскользнуло из под короткой рубашки.

— Даа, что случилось? — Белокопытов сопровождал сержанта тревожным взглядом, ожидая плохих новостей.

— Ничего не случилось, просто вас просил зайти к себе Соломонов, — чуть заикаясь от волнения, кротко сказал полицейский.

— Ну, хорошо, обязательно зайду, — пожал плечами следователь, — Вечером! — добавил он и пошел дальше.

— Нет, нет, нет, он просил сейчас, он вас ждет, — догнал его сержант и простонал жалобным голосом.

Белокопытов тяжело вздохнул, покрутил головой по сторонам и бросив на сержанта довольный взгляд, кивнув головой, чуть слышно ответил:

— Хорошо, сейчас зайду.

— Спасибо, спасибо огромное! — Сержант расплылся в радушной улыбке. — Вон та дверь, — сержант указал на кабинет своего начальника.

— Знаю, — угрюмо буркнул Белокопытов и нехотя направился к двери.

Подойдя к кабинету Соломонова, следователь остановился и, склонив голову, с пренебрежительным прищуром изучил табличку на двери начальника. Затем достаточно громко постучав, и дождавшись озлобленного выкрика Соломонова, следователь с силой толкнул дверь внутрь, отчего она громко ударилась о стену.

Сержант, провожавший взглядом Белокопытова, сморщил лицо, и, нащупав за собой стенку, кротко попятился назад, к своей комнатке.

Следователь улыбнулся, словно и ожидал такого эффекта. Затем, вытер ноги о несуществующий коврик на пороге кабинета и уверенной походкой вошел внутрь. В нос ударил тяжёлый и спертый воздух, пропитанный табаком и потом, отчего Белокопытов, поморщился.

Сам кабинет начальника отдела полиции был исполнен в самых лучших интерьерных решениях Советского Союза. Вертикальные, насыщенные желто-бежевые тона деревянной вагонки, сильно сжимали визуально пространство. Несмотря на внешнюю невозмутимость, Белокопытов сразу почувствовал себя здесь крайне неудобно. Справа стоял старый, вычурный комод, совершенно не вписывающийся в интерьер, на котором красовались какие-то кубки и статуэтки. Белокопытов, перешагнув через порог, сразу заинтересовался им, и, не обращая никакого внимания на Соломонова, направился к этому интересному предмету мебели.

— От бабушки достался? — трогая рукой замысловатые резные орнаменты элементов фасада, не поворачиваясь к Соломонову, спросил он.

— От дедушки! — с выраженной неприязнью ответил Соломонов.

Взяв в руки бронзовую статуэтку фемиды и бегло осмотрев ее, Белокопытов поставил ее на место и наконец, повернувшись, посмотрел на Соломонова.

Под портретом президента, кривовато висевшего на стене, в современном, дорогом на вид кресле, развалившись в полулежачем положении, сидел подполковник полиции Соломо-

нов. В свои сорок четыре года он был совсем седой. При этом его ярко-белая седина смотрелась на голове слишком вычурно. Загорелая кожа словно отторгала выпцветшую, взъерошенную шевелюру, глубоко вдаваясь проплешинами в лобной части. Нагловатое, надменное лицо, было каменным, совсем недружелюбный взгляд следил за каждым движением гостя.

— Может, сначала здороваешься, а уже потом продолжишь изучать кабинет? — наконец возмущенно спросил Соломонов.

— Здравствуйте Михаил Семенович, — Белокопытов нехотя ответил Соломонову, растянув дурацкую улыбку. — Мне передали, что вы просили меня к вам зайти. Вот, явился, по вашему хотению, велению, ну, или недоразумению.

— Просил, просил, — закивал головой Соломонов. — Вы же сами не соизволите зайти, поэтому и приходится кланяться, — он вынес перед собой демонстративно руку. — Ну, присаживайся дорогой гость из Мурманска, мой теремок, мал, но уютен. А то, я смотрю вы сразу с колес да в работу, без согласования, даже без простого здравствуйте! Разве это вежливо, я уже не говорю об остальном. Вот уже пришлось за вами и посыльных слать.

Следователь убрал улыбку и поправив рубашку на шее, подошел к столу Соломонова, и чуть склонившись, пренебрежительно произнес:

— Эээх, ничего другого я в принципе и не ожидал, но прежде чем мы начнем с вами диалог, я бы настоятельно вам рекомендовал Михаил Семенович, очень тщательно спрятать, засунуть поглубже в ваше вонючее нутро, имеющуюся у вас неприязнь к приезжим следователям, да так глубоко, чтобы она в нашем разговоре не ощущалась даже легким оттенком. Я понимаю, барин есть барин, но нужно всегда знать, где свои, а где чужие. И для тех, кто залежался на русской печи я коротко поясню, что я не отношусь к вашей вотчине и поэтому прошу излагать речь в соответствующей уставу форме. И если хочется так в барина поиграть, то с глашатаями и посыльными вы как-нибудь сами тут без меня, а лучше и вообще дома, с семьей!

— Уууу, как грозно, но поэтично, — дослушав до конца речь следователя, всплеснул руками Соломонов. — Вот я ему от всей души, а он ко мне с претензиями, оскорблениями. Да, что вы за народ там такой гнилой. Коль приехал в гости, так води себя по-человечьи, а нет, так езжай отсюда! — Он указал пальцем на дверь.

— Я не в гости приехал, а долг исполнять, — усмехнулся в ответ Белокопытов. — У вас будет ко мне, что-то по существу товарищ подполковник или вы просто давно ни с кем из следственного управления мило по душам не болтали?

— Боже упаси! — улыбаясь, покачал головой Соломонов. — Я как раз и позвал вас по делу, а вы мне здесь историю Руси пытаетесь пересказать, глашатаи, крестьяне, бояре.

— Я вас слушаю, товарищ подполковник, — без эмоционально перебил Соломонова следователь.

— Ну, хорошо, по делу, так по делу, — тяжело вздохнул полицейский, потеряв своей ладонью грудь. — Насколько мне стало известно, гражданин Верховодцев пришел в себя еще час назад.

— И? — вставил Белокопытов, догадываясь к чему ведет подполковник.

— И вот хочу поинтересоваться когда, ваш замечательный тандем рванет в сторону славного города Мурманска? — ехидно спросил Соломонов, изображая ладонями лодочки, плывущие по волнам. — Вы, наверное, пришли соответствующие документы оформить перед дальней дорогой? Если, да, так, я рад буду помочь, сделать все, чтобы вы как можно быстрее свалили отсюда.

— Я наслышан о вашей фантастической любви к следственному управлению, но, к сожалению, не могу вас так спешно покинуть, как бы вам этого хотелось, — растянув злорадную улыбку, ответил следователь. — Вас может бросать от моего вида в дрожь, вы можете стучать каблучком по полу или даже по этому столу, но пока я сам не решу, что должен увезти подозреваемого в город, я буду находиться здесь и всячески своим присутствием радовать вас.

— Я задаю конкретный вопрос! — Неожиданно вспыхнул подполковник, вскочив с кресла, упершись кулаками на столешницу. Правый его глаз налился тут же кровью, лицо перекосило от злости, слюни брызнули на стол. — Сколько вам нужно времени, для того, чтобы допросить подозреваемого и конвоировать его в Мурманск? Час, два? Три?

Следователь медленно склонился над столом, максимально приблизившись к лицу подполковника и впившись пронзительным взглядом в его безумные глаза, медленно, наигранно проговорил:

— Я надеюсь, вы меня внимательно слушали, более доходчиво изложить я, к сожалению, не могу. Тяжело иметь дело с самодурами, но я привык, к счастью практика большая была в этом деле, поэтому не хотите лично помогать, не надо, обойдусь, но вот лесть ко мне или не дай бог мешать, очень не советую. И вот вам маленький совет: обычно люди, наломавшие дров, ведут себя тише воды и сидят ниже травы, вы же, Михаил Семенович, шумите так, что впору можно и утонуть, случайно потянув за собой на дно и кое-кого из ваших родственников в главке. Не качайте лодку, доплывите на ней спокойно до пенсии.

Соломонов, выпучив злобно глаза, медленно попятился назад, споткнувшись, завалился в кресло и взволнованно зафыркал не находя ответных слов оппоненту.

— Сука! — злобно прохрипел наконец он, через стиснутые зубы.

— Уверен, что мы с вами сработаемся, — подмигнул в ответ Белокопытов и неспешно направился к выходу из кабинета.

Соломонов быстро подкатился на кресле к стоящему у стены шкафу и резко открыл скрипучую дверцу.

Белокопытов не исключал, что у подполковника серьезные проблемы с психикой, и вероятность того, что после состоявшегося разговора, Соломонов может схватиться и за оружие, хоть и не большая, но была. Поэтому оказавшись уже у двери, следователь резко обернулся. К счастью, Соломонов, полез в шкаф не за табельным оружием. Нервно сорвав пробку в початой бутылки коньяка, он вздохнул принялся осушать остатки напитка. Следователь, удрученно покачал головой и решив не усугублять ситуацию, не стал произносить заготовленную в голове напоследок встречи фразу, равнодушно махнул рукой и вышел из кабинета.

Находящегося в плохом настроении Соломонова в отделе полиции боялись все без исключений сотрудники отдела. Ведь попасть под горячую руку начальника, означало испортить себе настроение на весь рабочий день, и хорошо, если ты отделаешься просто оскорблением, выслушаешь краткую матерную характеристику о себе и своей никчемной службе, а ведь можно было и схлопотать выговор или того хуже, лишится премии. Поэтому, когда настроение у Соломонова было плохим, каждый стремился как можно реже попадаться ему на глаза. И когда в его кабинет вошел следователь из управления, все сотрудники поняли, что день простым не будет. Через пятнадцать минут после того как из кабинета Соломонова вышел Белокопытов, дверь начальника отдела полиции громко хлопнула о стену, и по коридору разлетелся длинное предложение в основном из матерных слов, адресованное всем сотрудникам следственного управления города Мурманска. Затем в коридор выскочил и сам подполковник, попытался поправить свою выпавшую из штанов рубашку, но не совладав, психанул, пнул свою дверь и скрылся внутри своего кабинета, из которого вышел через несколько секунд, держа в руках потрепанный блокнот.

— К вечеру здесь твоего духа не будет, сука, — с особой ненавистью прохрипел он и спешно направился по коридору к выходу.

К счастью затаившихся в дежурной части полицейских, Соломонов с озлобленной миной на лице, пролетел мимо, и, выпихнув наружу замешкавшегося в дверях молодого паренька, вышел на улицу.

— Хоть бы вызов, какой нарисовался, слинять бы отсюда, да побыстрее, — испуганно побормотал молодой лейтенант, наблюдая за Соломоновым в окно.

Сержант, дежуривший снаружи у палаты подозреваемого, позеленел, увидев летящего по коридору начальника отдела полиции. Его озлобленный вид не сулил ничего хорошего. Дежурная медсестра, попытавшаяся указать полицейскому на необходимость одеть поверх формы халат, была послана куда подальше в жесткой форме, отчего состояние сержанта еще сильнее ухудшилось.

— Следак из Мурманска там? — угрожающе прохрипел Соломонов, подлетев к сержанту.

— Нет, там только Паша, — с большим трудом выдавил напуганный сержант.

Соломонов грубо открыл дверь и вошел внутрь.

— Пошел отсюда! — схватив за шкирку сержанта, выпихнул его в коридор. Андрей, разбуженный громкими звуками, испуганно вжался в подушку, негодуя от происходящего.

— Ну, что, Верховодцев, — злорадно прошипел Соломонов, пытаясь отдышаться. — Будем сейчас у тебя чистосердечное признание брать. А то эти дебилы из Мурманска словно няньки в детском садике, только и могут, что жопу и сопли у тебя подтереть.

— Я ничего не делал, я не знаю, о чем вы..., — испуганно затараторил Андрей, вжимаясь спиной в подушку.

— Зато я знаю, — перебил Соломонов, впившись в Андрея кровожадным взглядом. — Вот тебе листок, вот тебе ручка, — Он с силой приложил к груди Андрея блокнот. — Пиши!

— Что писать? Я не знаю, у меня правая рука в наручнике, — морщась от боли, испуганно пролепетал Андрей.

Соломонов разочарованно фыркнул.

— Руегов, зайди! — Крикнул подполковник.

В палату тут же вбежал сержант, встав у порога как вкопанный.

— Слушаю вас товарищ подполковник, — чуть слышно проронил сержант.

— Быстро сними наручники с него, — скомандовал Соломонов. — Руку освободи, а сами пусть болтаются, может еще пригодятся.

Сержант моментально подчинился. Подбежав к Андрею, он немного замялся, но почувствовав спиной, режущий от недовольства взгляд начальника, робко потянул ключ к наручникам, с опаской смотря на подозреваемого.

— Ну! — недовольно буркнул Соломонов, не выдержав непонятной медлительности подчиненного.

Наконец отсоединив наручники от кровати, сержант облегченно выдохнул и тут же сделал пару шагов назад.

— Все, пошел отсюда! — удовлетворенно приказал сержанту Соломонов, подставляя к кровати Андрея стул, чтобы тот мог его использовать как стол. — Вот тебе стол, пиши. Все пиши, как было, как убивал, подробно, разборчиво, — склонившись над парнем, настоятельно рекомендовал полицейский.

— Я никого не убивал, — с дрожью в голосе ответил Андрей и откинул блокнот на другой конец кровати. — Я не убивал, вы, что-то путаете. Я ничего писать не буду. Вообще по какому праву, вы так со мной обращаетесь?!

Полицейский посмотрел на откинутый блокнот и, зафырвав, словно рассвирепевший зверь, схватил Андрея за грудки так, что лопнула пижама. Приподнял его и, уставившись волчьим взглядом в глаза парня, взревел:

— Сука, ты у меня сейчас все напишешь. И не таких как ты я лом..., — не успел он докричать, как ослепительный белый свет больно прожег его глаза, уши пронзил противный скрип похожий на звук тормозов, и неведомая сила больно ударила его в грудь, отбросив полицейского на противоположную стену палаты.

Часть штукатурки рухнула вместе с обездвиженным телом Соломонова на пол, присыпав его сверху. На шум в палату тут же вбежали сержанты. Увидев у стены тело своего начальника,

они с растерянными лицами застыли на пороге, и только через несколько секунд один из них кинулся к Соломонову, а второй судорожно вскинул автомат и дрожащими руками навел его на перепуганного Андрея, вжавшегося в спинку кровати.

— Ты, что с ним сделал? Ты, ты убил его! — наконец вскрикнул сержант, метаящийся у тела Соломонова.

— Я не знаю, что произошло, он сам отлетел от меня, сам, сам, сам, — закричал Андрей.

— Помогите, врача в палату, срочно, подполковник сильно ранен, — закричал во все горло сержант, понимая, что в панике не может нащупать у Соломонова на руке пульс.

— На шее шупай, — взволнованно посоветовал напарник и не сводя взгляда с Андрея, закричал во все горло:

— Да кто-нибудь уже подойдите, у нас человек умирает.

Сержант аккуратно прислонил дрожащие пальцы к артерии на шее и немного выждав, бросил радостный взгляд на коллегу:

— Жив! Вроде пульс есть.

ГЛАВА 9

— Бабушка, бабушка, — разлетелся испуганный детский крик по квартире.

— Чтто, что, Сонечка, что такое дорогая? Что случилось? — испуганно хватая воздух, вскричала пожилая женщина, имевшая неосторожность задремать под телевизор в своем продавленном, советском, кресле. — Сонечка, милая, я сейчас, — спешно засемила она в комнату внучки.

— Бабушка, — уже изумленно вскрикнула девочка, увидев вошедшую в комнату перепуганную бабушку, и протянула к ней руки.

— Что случилось? Опять спазмы? Или, что, что? — зароптала бабушка, спешно склонившись над внучкой, и тут же была обхвачена за шею детскими ручками.

— Я не знаю, что случилось, но смотри, — девочка отпустила бабушку и скинула с себя одеяло. — Смотри, — она играючи пошевелила пальчиками на обеих ногах.

— Боже мой! — крикнула от неожиданности старуха и шлепнулась на колени, а затем осторожно протянула дрожащие руки к шевелящимся на ногах пальчикам внучки. — Сонечка, да ты моя радость, Бог услышал наши молитвы. Оооой, да слов не найду я от радости. Спасибо Пресвятая Богородица. Спасибо Николай Чудотворец. Спасибо Святая Матрена. Ооой дай Бог, чтобы мучения твои закончились.

— Я играла в телефон и вдруг, словно белая вспышка какая-то, даже немного больно стало в пояснице, а потом вот, тепло пошло по ногам, и я пальчиками задвигала, — радостно сообщила девочка. — А еще смотри, — она взяла руками свою правую ножку чуть ниже колена и слегка помогая, согнула ее. — Я даже почти не помогаю, я могу ей двигать и другой ногой тоже. А еще я щипаю себя и чувствую боль, — блеснула глазами девочка, расплывшись в радостной улыбке. — Бабушка, бабушка, это так замечательно, это так прекрасно, — залепетала восхищённо девочка. — Я скоро снова значит смогу ходить! Бабушка! Это какое-то чудо!

— Чудо, внученька, это и в правду чудо, — не отрывая взгляда от лучезарной улыбки внучки, расплакавшись от счастья, согласилась бабушка.

ГЛАВА 10

Вой сирены взбудоражил тихие, полупустые улочки Ревды. Полицейский уазик, натужно рыча, мчал на высокой скорости в направлении выезда. За ним следовал старенький, потрепанный беспокойной жизнью, черный джип, за рулем которого находился подполковник Белокопытов.

— Выруби ты эту чертову сирену, дегенерат! Из трагедии свадьбу устраиваете, чтоб вас! — Сердито пробурчал следователь и в уазике его словно услышав, тут же отключили звук, но все же оставив проблесковый маячок включенным. — Клоуны, — прошипел иронично следователь и вновь погрузился в угрюмые раздумья, не сводя усталого взгляда с дороги.

Состояние Белокопытова сейчас сложно поддавалось описанию. Он был морально истощен. Его стальной, профессиональный стержень погнулся, надломился в тот момент, когда ему сообщили, что на Соломонова совершил покушение Верховодцев. И он, тот, человек, который не должен в любой ситуации терять самообладания и придерживаться четкой стратегии дальнейших действий, не мог сейчас даже просто сосредоточиться. Неопределенность, нестыковка фактов, необъяснимость действий подозреваемого, все это уводило его мысли в сторону какой-то мистики, которую он в силу своей профессии всегда старался игнорировать. А тут, что не попытка сложить все произошедшее хоть в какое-то логическое умозаключение, тут же рассыпалось, неприятно звеня в подсознании голосом кричащего начальника:

— Это полная херня! Ты, что вчера следователем только стал?! Тебе Белокопытов пора на пенсию, рыбу ловить, а не преступников!

А ведь сейчас, по приезду в Мурманск, нужно будет писать рапорт, но любое планирование его содержания, было похоже на изложение сценария фантастического фильма. Все было предельно сложно и через пару часов ему будет необходимо доложить руководству все факты так, чтобы все ими впиталось без лишних вопросов и сомнений. Мотив, железобетонные улики, факты, свидетели, ну, в общем, все как обычно, профессионально и безупречно. Никто от него не ждет фантастических сценариев к фильму. Но как это сделать? Как описать сказку научными терминами? Ведь часть того, что он увидел и узнал, больше походило именно на фантастический рассказ, а не на реальность. Он невольно улыбнулся, поймав себя на мысли, что ни разу в жизни не находился еще в таком неоднозначном, даже сказать, глупом, состоянии. Единственное, что он сейчас точно определил, что не будет капать под себя яму, давая возможность руководству усомниться в своем профессионализме. Только отталкиваясь от этого, разумным было не включать в рапорт, например, чудесное исцеление мальчика, и прочие странные вещи, которым он пока сам не нашел логичного объяснения. Все будет сухо и крайне жизненно. Он опустит пока все, что путает карты и тем более выпадает за рамки разумного объяснения. Тем более, что руководству не нужны ни убийства, произошедшие на Алтае, ни странный случай с больным мальчиком в больнице, их сейчас будет интересовать только, то, что произошло с Соломоновым. Сегодняшний рапорт — это отписка для руководства, а не план действий. Будет написано то, что им сейчас хочется увидеть. И чем меньше у них возникнет вопросов к рапорту, тем у него будет больше шансов остаться в деле Верховодцева, истинна которого сейчас казалась следователю очень туманной и непредсказуемой. Поэтому покушение на Соломонова сейчас для руководителей Белокопытова будет самым важным и значимым, сделать на этом акцент, будет правильным решением. И хоть профессиональное самолюбие Белокопытова будет в этой истории сильно задето, лучше отступить сейчас на шаг назад, чтобы потом сделать три вперед. Руководство должно будет убедиться в том, что база для обвинения, которое будет предъявлено Верховодцеву за попытку убийства Соломонова, безупречна. Это для них сейчас будет важнее всех Алтайских убийств, совершенных пареньком. А ведь его руководство в следственном управлении это не единственные люди, перед которыми при-

дется держать ответ Белокопытову. Есть еще и высокопоставленные родственники Соломонова из главка. А этим вообще подавай уже сегодня судебное решение о пожизненном сроке для Верховодцева. Их и подавно не устроит невнятная версия произошедшего в больнице, если ее излагать по факту случившегося. Именно поэтому он был сейчас уверен в том, что Верховодцеву инкриминируют покушение на убийство, а не, что-то другое. И то, это при условии, что Соломонов выкарабкается. А эта гнида выкарабкается, Белокопытов ни секунды в этом не сомневался. Представилась картинка в суде, где Соломонов, на инвалидной коляске, с красной рожей, кричал и тыкал пальцем в Верховодцева, требуя пожизненного заключения, а все его родственники, высокопоставленные люди из главка, дружно кивали судье головой, тот в ответ, с ехидной ухмылкой соглашался. И максимальное наказание будет не самым страшным, что ждет паренька. Ведь страшнее и больнее ему будет в тюрьме, если конечно он до нее доживет. Судьба парня в голове Белокопытова сложилась вполне в простую и понятную схему, но вот со всем остальным было, как и прежде, сложно и туманно. Отчего-то вдруг подумалось, что и с ним самим все же тоже могут поступить вполне непредсказуемо. И самое простое, что представлялось, это объявление о служебном несоответствии. Палыч, руководитель следственного управления следственного комитета, конечно хороший человек, но ради такого резонансного дела, может и принести в жертву своего хорошего сотрудника. И обиды в этих мыслях, на Палыча, здесь не таилось. Белокопытов понимал, что его руководитель тоже подчиняется своему начальству, шишкам из главка и пытаться вступиться за своего сотрудника, в данной ситуации, одно и тоже, что добровольно сложить полномочия. А таких как он больше не делают, и уволив его пострадают многие сотрудники, да и следственная система в целом. Нет, будь, что будет, но в рапорте он изложит все просто, как обычно бывает в жизни, опасный преступник и герой полицейский. Обидно, что так, но против течения не поплывешь, захлебнёшься и мигом пойдешь ко дну. Это в кино живет крутой следователь, который всегда удачно борется с системой, нагибает ее, срывает маски с кукловодов, а в жизни все по-другому. Система — это танк, упал с брони, перемелет гусеницами, даже не успеешь опомниться. Поэтому плохой ты или хороший представитель закона, в первую очередь ты должен сидеть на броне, хоть и по разные стороны с гнидами, под стать Соломонову. И Белокопытов однозначно решил для себя, что, он хоть и прогнется сегодня под систему, это будет во благо, по крайней мере для него самого. И в данном деянии нет и капли эгоизма. Чем выиграет общество от того, что, если на его место придет желторотый, неопытный следователь или того еще хуже такой же как Соломонов. Общество только проиграет. А если он останется при должности, то раскроет еще не одно сложное дело, в том числе и докопается до истины в этом неоднозначном и весьма странном деле Верховодцева.

Он взял телефон с пассажирского сиденья, и, пролистав пальцем записную книжку, вызвал один из номеров:

— Серега, привет, это Вадим.

— Привет, Вадик, привет, как там отдаленные районы нашей замечательной области? — вдохновенно отозвался голос.

— Да, ни как, — резко оборвал подполковник. — Слушай, у меня тут ситуация не очень хорошая произошла, — сморщился Белокопытов.

— Говори, — насторожился голос, подозревая, что новость будет не из приятных.

— В общем, — следователь на мгновение замолчал, подбирая слова. — В общем, Верховодцев сломал позвоночник Соломонову.

— Кому? Да, ладно, — искренне удивился голос. — Надеюсь твой маньяк его насмерть поломал?

— Слава богу, нет, но врачи говорят, что шанс остаться калекой очень высокий. Готовят его сейчас к отправке в Москву, сам знаешь, какие у него родственники, уже частный вертолет за ним из Мурманска вылетел.

— Ну, значит и на ноги поставят, деньги творят чудеса нынче, если и не у нас в городе, то в Москве, точно, — усмехнулся голос. — Как это произошло то? Вроде твой маньяк в коме был?

— Был, но вышел. Я не видел, да и ни кто не видел. Соломонов после нерадостной встречи со мной, хорошо выпил, и решил сам допросить подозреваемого в больнице. Выгнал охрану из палаты, снял с Верховодцева наручники и через секунду уже валялся переломанный в другом углу комнаты. Невероятно, но факт. Вкратце как-то так, — невесело поведал следователь коллеге.

— Терминатор, однако, твой Верховодцев, — вновь усмехнулся голос. — Теперь я отчего-то верю, что те, ужасы, которые случились на Алтае, дело его рук. Мда! Но смешного то мало, если быть честным, — голос вдруг поник. — У нас с того раза еще с главком терки не успокоились. А ты тут такой сюрприз везешь к нам. Вот почему Палыч срочно куда-то уехал. Но, судя по тому, что на нем лица не было, дела действительно не очень, видно сверху дернули.

— Да, у нас теперь проблем выше крыши, я по голосу Палыча понял, что ситуация обещает обернуться войной. Он со мной не стал даже разговаривать, сказал просто, чтобы я забрал Верховодцева и ехал в Мурманск. Пришлось с врачами воевать, чтобы его забрать, в общем жопа Серега! Ладно, чему быть тому не миновать, — обреченно выдохнул Белокопытов. — В общем, я забрал Верховодцева, и мы сейчас с местными операми везем его к нам.

— Ну, он хоть не откинет копыта в дороге, как ни крути после комы, же? — осторожно поинтересовался Сергей.

— Не знаю, не в моем положении сейчас спорить с руководством. Мне Палыч сказал, что если у него сил хватило Соломонова искалечить, то и на дорогу найдется, а у нас, что-нибудь придумаем.

— Да, ему тут точно умереть не дадут, — съязвил Сергей. — До суда точно жить заставят, а там... Ты оформил документы?

— Да, но так, все, карандашом, там просто не до этого было. Рапорт приеду, сразу напишу, — виновато ответил Белокопытов.

— Ну, ждем тогда, что могу сказать, долго еще вам ехать? — тяжело вздохнув поинтересовался коллега.

— Выехали из Ревды минут 15 назад, так, что не скоро будем, плетусь за уазиком. Ты там держи ухо остро, если какие запросы пойдут из главка или еще от каких заинтересованных лиц по Верховодцеву, сразу звони. Все, до встречи, — Белокопытов кинул на пассажирское сиденье телефон и протер ладошкой лицо.

— Вот блин засада, — стукнул он рукой об обод руля. — Гребанный Соломонов, не мог спокойно нажраться в своем кабинете, сука.

Белокопытов вновь взял телефон в руку.

— Ну и как там наш терминатор? — бегло поинтересовался он.

— Сидит, молчит, — спокойно ответил голос в телефоне.

— Если состояние ухудшится, сразу звони, да и прибавьте уже скорость, так и до ночи не доберемся, — договорил следователь и вновь откинул телефон на сиденье.

На половине пути к городу, у Белокопытова зазвонил телефон. Следователь поднял его с сиденья и долго смотрел на входящий вызов Палыча, пытаясь отыскать в затуманенной мыслями голове нужную схему самообороны.

— Да, Пал Палыч, я слушаю, — глубоко вздохнув, ответил, наконец, Белокопытов.

— Ну рассказывай Вадик, — вместо криков и грубых тонов, Белокопытов неожиданно для себя услышал в телефоне слегка понурый голос начальника. — Говорить можешь?

— Ннда, Пал Палыч, конечно могу, мы пилим потихоньку, километров шестьдесят осталось до города, скоро будем. С вами все в порядке? — поспешил уточнить он, так как голос начальника ему совсем не понравился. Чувствовалось, что он был сильно подавлен, а это гово-

рило об одном, что все было гораздо серьезнее, чем предполагал следователь. От этого Белокопытову стало совсем не по себе.

— Порядка то нам еще долго чувствую не видать. Спасибо тебе, стараешься.

— Виноват Пал Палыч, не уследил, — виновато согласился Белокопытов. — Готов ответить по всей строгости, — после секундной паузы, добавил он.

— Ну, там видно будет. Как там этот подозреваемый, Верховодцев? Ни кого больше не покалечил, не убил? — все тем же меланхоличным голосом иронично поинтересовался начальник.

— Ни как нет, он в наручниках и в окружении четырех местных, едут впереди меня. Да он, — следователь на секунду задумался, над уместной характеристикой Верховодцева. — В общем он не буйный.

— Не буйный, — усмехнулся начальник. — Все маньяки тихони, они же не гопники с дороги, убивают ради удовольствия, да еще и под музыку.

— Я имел в виду немного другое, он конечно странный, но. В общем, он под контролем. Что у вас там? Мне ваш голос правда не нравится. Скажите честно, из-за случившегося с Соломоновым у нас большие проблемы?

— Думал, будет хуже, но пока терпимо. Крепленная валерьянка сглаживает углы, — Начальник закашлялся. — Ты, вот, что, в общем, парня этого сразу вези в первое СИЗО. Привези, передай и забудь про него.

— Но так же..., — было начал возмущаться следователь.

— Без всяких но! — тут же его грубо оборвал Пал Палыч. Меланхоличный тон голоса одно мгновение стал напряженным и приказным. — Если тебе погоны жмут, то мне и остальным они еще сгодятся. Заварил там кашу, что теперь всем управлением хлебать. Самовольностью уже хватит заниматься, теперь делай, что говорят. Наше дело маленькое, они говорят, мы делаем. Кто они, уверен, догадываешься сам. Иначе все в дерьме окажемся, и ты и я и еще кое-кто, — немного успокоившись, закончил он.

— Да конечно догадываюсь. Я примерно все так и представлял, — задумчиво заключил Белокопытов.

— Надо было не представлять, а следить за этим Алтайцем, — вновь повысил голос Павел Павлович. — Я понимаю там, какой-нибудь желторотик из института прибывший, но ты, ты то с головой, и с глазами, куда смотрел, о чем думал? Мне сейчас предельно ясно будущее наше с тобой определили, либо помогаем, либо мне на Имандру рыбу ловить, а тебе в Кировск следователем. Поэтому не ерепенься, за твоим парнишкой вон, сколько мокрухи на Алтае висит, или ты права убийцы решил соблюсти от и до? Делай как велено и без лишних вопросов. Тем более там уже и чекистов вовлекли, так, что пусть будет, как будет. Дознания, и прочие процедуры, все они сами в СИЗО организуют, потом где надо подпишешь, какие надо дашь показания. Ты понял меня?

— Да, я понял вас, — недовольно, но не грубо, ответил Белокопытов.

— С тебя баня и хороший виски в субботу, так сказать за моральные терзания, — ехидно крякнул начальник. — Сижу как на иголках, не знаю с какой стороны прилетит.

— Хорошо, сделаем Пал Палыч, — без энтузиазма ответил следователь.

— Ну, вот и отлично, как сдашь Чикатило, отзвонить мне, — добавил руководитель и положил трубку.

— Да уж, дожить бы до субботы, сам бы крепленной валерьянки принял бы сейчас с удовольствием, — удрученно пробормотал следователь.

Как и следовало ожидать, в Мурманском СИЗО номер один, их встречали с особым радушием. Остановившийся Узик мгновенно окружил спецназ ФСИН облаченный в черную форму, словно ниндзя.

— Как банду Дудаева встречают. Как бы наш парнишка при таком раскладе не стал лидером подпольной террористической ячейки. Тут тебе и судьбой парня ладом никто интересоваться не будет и звезд можно на погоны навешать, — поразмыслил Белокопытов, остановив свой джип чуть поодаль от машины с подозреваемым.

К такой встрече не были готовы и сопровождающие Андрея, полицейские. Остановив машину, они замерли в напряжении, уставившись на окруживших их ниндзя.

— Вот это теплый прием, — чуть слышно выдавил опер, сидевший за рулем.

— Да уж, веселая у тебя жизнь сейчас начнется, не позавидуешь, — сухо констатировал сидевший рядом с Андреем полицейский. — Ну, к чему стремился, то и получишь. Дурак, ты Андрюша, дурак, — как-то сочувствующе добавил он.

Андрей, облаченный медперсоналом в одежду каких-то больных, померших или просто ее забывших при выписке, угрюмо молчал, в принципе, как и всю дорогу от Ревды.

Под дружное лязганье передернутых затворов автоматов, стволы которых уткнулись в заднюю часть полицейского автомобиля, один из бойцов спецназа резко открыл дверь, и грубо схватив Андрея, продернул его через колени рядом сидящего опера. Натянув на голову парня черный мешок, он схватил его за грудки и резко дернул, вытянув из машины, а затем с силой бросил на асфальт.

Андрей упал наземь, едва успев подставить под тело руки, скованные в наручники, смягчив этим удар от падения. Так как чужая одежда была на несколько размеров меньше, то с ней ничего не случилось, а вот лишние шнурки кроссовки, которые были на пару размеров больше, легко слетели с его ног.

— Добро пожаловать на курорт кусок говна. Чувствуй себя здесь как в аду. На ужин здесь сегодня отбитые почки, на завтрак сломанные ребра, — надменно прокричал спецназовец, склонившись над Андреем и как бы в утверждение своих слов, наотмашь пнул парня в грудь. Андрей закашлялся и застонал, поджав ноги к груди. — А если захочешь сам внезапно в камере сдохнуть, то здесь это приветствуется, не у всех усваивается местное эксклюзивное меню, — он сплюнул рядом с парнем и посмотрел куда-то в сторону.

Стоявший позади всех мужчина в дорогом костюме, с коричневой деловой сумкой в руке, уловив взгляд сотрудника спецназа, одобрительно кивнул головой и, понаблюдав еще за происходящим мгновение, проследовал внутрь административного здания.

— Грузи его в камеру, хватит ему свежим воздухом дышать, — рявкнул старший группы.

Парня тут же схватили двое крепких ниндзя, выкрутив Андрею за спиной руки, и подбадривая увесистыми ударами берцев, спешно погнали внутрь СИЗО.

— Парни, тук тук, — старший группы звучно постучав рукой по капоту Уазика, обратился к затаившимся полицейским внутри. — Машину отгоняйте на стоянку и в кабинет к Бабичу.

Затем снял маску, обнажив вспотевшее лицо, и повернулся к оставшимся у машины бойцам своей группы, стоявшим позади. — Сидарчук, проводишь гостей из области до кабинета Бабича, — распорядился он, а затем, посмотрев на стоявших в стороне чекистов, кивнул головой в сторону Белокопытова.

— Вадим Александрович, — вдруг кто-то окликнул следователя, задумчиво смотревшего в след Верховодцева. — Можно вас на минутку.

Следователь обернулся, и увидел стоящих в пятнадцати метрах от него двух мужчин одетых по гражданке.

— Я? — указал он на себя рукой.

Мужчины дружно кивнули головами.

Пожав руку следователю, мужчины достали удостоверения сотрудников ФСБ и, продемонстрировав их Белокопытову, пригласили пройти его в след за подозреваемым внутрь СИЗО.

ГЛАВА 11

В медицинском кабинете, мрачном, прокуренным насквозь, Андрея бегло осмотрел бородатый доктор. Заставил открыть рот, осмотрел глаза, грубо промял лимфоузлы на шее, затем, что-то написав на сером бланке, отдал его одному из сопровождающих конвоиров Андрея.

Поставив болезненный укол в предплечье и дав какую-то противную таблетку, сказал, что не видит в состоянии подозреваемого ничего страшного, что могло бы привести его к летальному исходу. И наконец, напоследок, сунув две желтенькие витаминки в рот парня, он махнул рукой сопровождающим, дав понять, что закончил свой осмотр. На голову Андрея вновь надели мешок и повели по длинным коридорам. В какой-то момент остановились, развернули его, больно прижали к стене, отворили железную, тяжелую дверь, сняли наручники и мешок с головы, а затем втолкнули в тесную, неудобную, одиночную камеру, в придачу швырнув в спину, потерянные кроссовки.

Два дня к Андрею никто не приходил. Несколько раз щелкало смотровое окошко в двери, чьи-то маленькие глаза не продолжительно суровым взглядом смотрели на Андрея, а затем человек удалялся прочь, эхом разносив шлепанье обуви по коридору. Еды Андрею не давали, благо в камере была вода, противный болотный вкус которой на вторые сутки стал почти для него незаметным. Было холодно, хотелось сильно есть, ужасно болела от пинка спецназовца грудь. Выплаканные глаза, за первые сутки пребывания в камере, сильно чесались. Не плакать было невозможно, уж больно много неприятных эмоций скопилось в душе за такое короткое время. Вдобавок к этому было тоскливо и очень одиноко, особенно внутри. Ни воспоминаний о родителях, ни короткого отрывка из детства, ничего. Только больница, полная машина полицейских травящих истории и анекдоты, и эта мрачная камера, на которую и смотреть то было больно. Даже явный след от обручального кольца говорил о том, что в его жизни есть много чего, о чем, можно и нужно помнить, жена, дети, братья, сестры, можно было только фантазировать обо всем этом, но вот кто они, и как выглядят, он понятия не имел. Особенно хотелось сейчас с кем-нибудь поговорить, излить душу, попросить совета, пожаловаться на всех, на весь мир. Но кому будешь жаловаться, когда каждый, кого он видел последнее время, норовили либо его ударить, либо в чем-то обвинить.

В отсутствии добрых и вообще, каких-либо нормальных воспоминаний, в голове Андрея кружился смех полицейских в машине. Они дружно ржали над тем, что везут убийцу, который ночами рвал на части мужиков, а днем тренировался на курицах и кошках. Машинально лезли в голову и фантазии, рожденные этими идиотскими рассказами.

Какое-то досадное чувство не покидало сейчас Андрея. Что-то будоражило его нутро. Душа была не спокойна, что-то сильно зудело внутри. Почему-то он решил, что это чувство вины, наверное, от того, что все вокруг твердили о том, что он убийца. Сложно находить себе оправдание, когда в твоей памяти пустота. Может действительно он, что-то сотворил, но корить себя было не в чем, как и не чувствовал он себя виноватым в том, что произошло с тем хамоватым полицейским в палате. Белый свет словно выжег те несколько секунд памяти. Он помнил уже только кричащих и суесящихся сержантов возле тела Соломонова. Как оказался тот полицейский возле стены Андрей не знал, но все опять говорили, что это его рук дело. Но как он мог это сделать? Какой силой нужно обладать, чтобы толкнуть взрослого человека на такое состояние, едва не проломив им стену?! Он осматривал свои руки, пытался извергнуть из ладоней плазму, огонь, сосредотачивался и мысленно старался послать разрушительный импульс в стену, но ничего не происходило. Все это было похоже на какой-то сон, с той разницей, что ощущения, боль, тревога и звенящая безысходность внутри, были реальными.

Андрей лежал на холодной шконке, вдыхал затхлый, влажный воздух камеры и тщетно пытался отыскать правду, запрятанную где-то глубоко в голове. Его размышления об одном и том же, сопряженные с угнетающей обстановкой в камере и полным одиночеством, на конец второго дня окончательно убедили его разум в том, что он однозначно в чем-то виновен. И как только он с этим смирился, ему стало значительно лучше. Его мозг перестал сопротивляться, генерировать мысли, идеи, пытаться найти любые зацепки в памяти, а через какое-то время он как поломанный компьютер перешел в безопасный режим и завис в белом шуме, предоставив Андрею возможность вырубиться до самого утра.

В начале третьего дня, в смотровом окошке двери, появились чьи-то глаза. Андрей, сбившийся в клубок на шконке, слегка приподнял голову и с трудом продрал опухшие глаза. Створка окошка закрывшись, звонко лязгнула, но вместо того, чтобы вновь услышать разносимые эхом шаги по коридору, он услышал звук открывающегося затвора двери. Сердце тут же напряженно кольнуло, извещая о неприятном предчувствии.

— Встать, лицом к стене, руки за спину, — крикнул вошедший в камеру, довольно тучной комплекции, надзиратель. — Слышь, говно, к тебе очень важный посетитель, быстро собрал себя вертикально и встал у стены, — уже гневно прокричал он, видя, что подозреваемый уж очень вяло, выполняет его распоряжение.

Андрей, не сразу поняв, чего от него требуют, чуть привстал со шконки и тут же получил болезненный удар по предплечью дубинкой, после этого сознание резко прояснилось, сон мгновенно прошел. Он спешно вскочил на ноги, упершись лицом в стену, и по приказу послушно вытянул за спиной руки для наручников.

В комнату, в которую привели изнеможенного Андрея, было сумрачно и очень душно.

— Садись говно, — раздался позади голос, хлопнула грузно дверь, и конвоир с силой толкнул его рукой в спину. — Давай, не мешкай, шевели батонами, пока еще можешь ими шевелить.

Андрей с застегнутыми за спиной руками, неуклюже уселся на лавку, стоящую возле изрядно потертого стола и озлобленно посмотрел на надзирателя.

— Отверни свое хайло упырь, а то меж глаз сейчас схлопочешь, выпрямился и сиди смирно, — отреагировал тут же надзиратель и грубо схватив за руки Андрея, перестегнул наручники уже спереди. — Не дай бог чего-нибудь выкинешь здесь, убью на месте, — злобно зашипел он на ухо парню, но, заслышав шаги по коридору, прервал начатую речь и в два прыжка очутился у двери, где встал по стойке смирно, убрав с лица свою уродливую улыбку.

Единственное, небольшое решетчатое окно в комнате было покрыто толстым слоем грязи и пыли. Врывающийся в надломленный уголок стекла лучик света, бликовал равнобедренным треугольником на светло-серой папке с документами, лежащей на краю стола. Никакой мебели кроме стола и двух лавок в комнате не было, да и видно было, что помещение предназначено явно не для бесед по душам. Обшарпанные стены, кусками облупившийся потолок, все здесь было еще в гораздо худшем состоянии, чем в камере, в которой его содержали до сегодняшнего дня.

Массивная деревянная дверь неприятно скрипнула, царапая покосившимся полотном о короб, и в нее вошел лысый, плотного телосложения человек лет пятидесяти на вид. Его чисто выбритое округлое лицо, с широким, приплюснутым носом, сразу не понравилось Андрею. Он был одет в дорогой, идеально выглаженный черный костюм и белую рубашку, на руках блестели массивные золотые часы, а на безымянном пальце левой руки красовался огромный золотой перстень с фиолетовым камнем. На бесплатного адвоката этот дяденька явно внешне не походил.

— Вы свободны, — спокойным голосом распорядился он конвоиру и, изучив презрительным, неприятным взглядом, измученное лицо Андрея подошел к столу. — Мда, — разочарованно буркнул мужчина. — Такое никчёмное существо, а дел наворотило целую кучу.

Человек медленно обошел вокруг стола, не спуская взгляда с Андрея, затем еще сделал несколько кругов, а только после, оказавшись за спиной парня, внезапно остановился. Андрей взволнованно заводил глазами не решаясь повернуть голову. В следующую секунду человек склонился и очень медленно, но с особой колкой интонацией заговорил парню прямо на ухо:

— Не буду скрывать, что мне противно находиться рядом с тобой, поэтому буду предельно краток. Мне не нужно сейчас от тебя чистосердечное признание, ты сядешь при любом раскладе. Но сидеть должен вор, а убийца должен страдать, — мужчина сделал небольшое послабление в своей режущей душу интонации. — Эти два дня в СИЗО были у тебя отпуском, как сказали бы твои будущие сокамерники, не по масти тебе такое, но сегодня я все исправлю. И когда ты завтра проснешься, то сразу подумай, сколько ты сможешь выдержать таких дней и ночей? Каждый день у тебя будет особенный, и молись мразь, чтобы Миша смог ходить, — незнакомец еще сильнее склонился к уху парня. — Хорошо молись! Иначе ты будешь ползать в своем дерьме, и молить удушить тебя. Но смерть будет твоей мечтой, каждый, сука, зэк на зоне будет наблюдать за твоим вздохом, чтобы ты мучился, но не умирал. Поверь, я не пожалею денег, чтобы этот сериал на зоне длился дольше чем Санта Барбара.

— Яяяя, нее, — попытался, что-то выдать Андрей, но не вышло, уж больно большим оказался ком в пересохшем горле.

— Прощай, уродец, мне твои слова оправдания ни к чему, — хлопнув грузно ладошкой по плечу Андрея, мужчина отошел к двери и три раза постучал в нее кулаком. — Я закончил, открывай!

В грудь Андрея словно воткнули невидимый нож, заставив разум протрезветь. По спине пробежала холодная испарина, в глазах от нахлынувшей злости помутнело. Сердце надрывалось в истерическом темпе, отдавая лязганьем в ушах. Словно удары в барабаны, спешно наращивая темп, сердце задавало ритм накопившимся эмоциям, спешно стремящимся наружу. Незнакомец в дверях сказал еще, что-то, но Андрей его уже не слышал. Казалось, что вся кровь собралась в голове, перекрыв все органы чувств. Дверь за гостем закрылась, щелкнул засов, послышались удаляющиеся шаги. Парень кинул озлобленный взгляд на дверь, затем тяжело взревел, ударил резко руками о стол, схватил его за толстую кромку столешницы, и с грохотом перевернул.

— Не трогал я его, не трогал! — начал кричать истошно Андрей, пиная ножки стола.

Судорожно заскрипел засов двери, в комнату тут же влетел уже знакомый Андрею толстый надзиратель, с ходу замахиваясь на парня дубинкой.

— Я не трогал его, даже пальцем не трогал, — встретив охранника одичавшим взглядом, выкрикнул Андрей, пнув тут же под ноги толстяка лавку. Неуклюжий надзиратель хотел было ловко через нее перепрыгнуть, но, не рассчитав высоту, наступил на край и, подвернув ногу, полетел, махая руками пытаясь тщетно удержать равновесие. — Не трогал я его, не трогал, пальцем даже к нему не прикасался, — продолжал кричать Андрей, отбежав от падающей на пол туши. Толстяк, крикнув от боли, растелился у стены. Тяжело поднимаясь с пола, он покрыл подозреваемого пятиэтажным матом, пообещав убить его в ближайшие секунды. Но сделать этого ему не удалось. Услышав шум, в допросную комнату вбежало два молодых, но крепких на вид, надзирателя, один из которых, коротким, профессиональным ударом мгновенно вырубил Андрея. От чего немного испугавшись, стали сначала тыкать его распластанное на полу тело дубинками, а затем спешно щупать пульс.

— Тимоха, ты сам-то в порядке? Чего вы тут не поделили? — спросил один из коллег, с улыбкой наблюдая, как толстячок неуклюже встает и отряхивается.

— Я-то Леха в порядке. Вы этого утырка надеюсь, не убили? — С тревожной ноткой в голосе, кряхтя, поинтересовался толстячок.

Рыжеволосый конвоир как-то неоднозначно покачал головой глядя на Андрея, затем подошел к двери, выглянул в коридор, и аккуратно закрыл ее. — Береженного, Бог бережет, — не громко констатировал он.

— Да нет, пацаны не бздите, вроде дышит, — второй конвоир присел на корточки рядом с Андреем и склонился еще раз над его головой.

— Вроде или точно? — напрягся толстячок.

— Дышит, дышит, не ссы, в отключке просто. Кстати, как мы удачно с Рыжим пошли на обход, словно жопой чуяли неладное. Теперь нам кто-то пива торчит. Да, Рыжий?

— Однозначно! — расплылся в щербатой улыбке второй охранник.

— Ага, губу закатайте, еще я пива за нажитый геморрой не покупал, — не согласился Тимоха. — Я бы тут сам как-нибудь с этим доходягой разобрался, без вашей помощи.

— Ну, ну, видели мы вас в деле, когда только в допросную вбежали. А еще посмотрели бы, как ты за ним по коридору под видеокамерами бегал, а ведь этот упырь прямо туда и норювил деру дать. Благо Рыжий свой коронный удар в шею сразу применил. А так бы ты потом руководству сквозь сопли рассказывал, почему и без того косячный сотрудник уголовно-исправительной системы Богатырев, так грубо устав и правила нарушает, подследственного одного в камере оставляет, в журнале записи о конвоировании не делает. А там, уже могли бы всякие выводы сделать на твой счет, но думаю явно непоощрительного содержания, — разъяснил Леха. — Так, что пивом это ты еще легко отделаешься.

— Ладно, обосновал, — нехотя согласился Тимоха. — Но с зарплаты, и пьем вместе, — тут же добавил он. — Но, не пиво, а водку, — в довесок, ощутимо ткнул пальцем он в Леху. — А то я знаю, в вас пиво лезет как вода, разориться можно.

— Ладно. Без проблем, заметано, — Рыжий ударил ладошкой в поднятую пятерню довольного коллеги.

— А, что за утырок то? Уж больно замученный какой-то, наркоша что ли? — поинтересовался Леха, посмотрев снизу-вверх на Тимоху.

— Да, скорее всего наркоман. Митрофанова только увел, как этот словно с катушек сорвался. Хотя теперь понятно, ломка походу, — пожал плечами Тимоха.

— Вон оно чего, — присвистнул Леха.

— Чего? — уперся в него недоуменным взглядом Тимоха.

— Да думали, гадали к кому Митрофанов приперся. Думали к Афони или Казбеку, а он с наркошей свиданку забил. Интересно, очень интересно, — почесал короткостриженую голову Леха. — Да еще и свиданка в самом тупике крыла, подальше от глаз.

— Ну, может сынок чей, ну или...., — поразмыслил Рыжий, указав указательным пальцем вверх.

— Ага, сынок чей-то, а то ты не знаешь, как у нас блатные сидят, если вообще сидят, — усмехнулся Тимоха. — А этот в самом вонючем, забытом всеми пятом карцере сидит. Я даже не знал, что там кто-то есть, в списках у начальника смены не значится. А когда узнал, то он сказал, чтобы я забил на него. Типа человек, пустое место. Это кстати он сказал, чтобы я привел его к Митрофанову без всяких записей в журнале.

— Вот он какой, человек-легенда, — дослушав толстячка, Леха покачал головой, развернувшись лицом к Андрею.

— Ты, о чем Леха? — удивился толстячок.

— Рыжий, Тимоха то еще не знает, что тут нам птички начирикали про этого наркомана из пятого карцера, — Он деловито посмотрел на коллегу. — Помнишь Тимоха мужики терли, что на днях боевика через северный приемник доставили к нам в СИЗО. Догадайся, кто этот боевик?

— Да ладно, — скривил одновременно недоверчивую и удивленную гримасу толстячок, посмотрев на коллег, а затем переведя свой взгляд на Андрея.

— Ага, — щелкнул довольно языком Рыжий.

— Что-то щуплый у вас боевик какой-то, да и по поведению больше на маменькиного сынка похож, — пригляделся к Андрею толстячок.

— Ясен пень, профи! Скрывает свои возможности, отвлекает и притупляет внимание, чего толку то внутри бетонных стен выеживаться, — не согласился Рыжий. — А вообще мужики мне сказали, что он был снайпером, против наших в Сирии участвовал. Пять русских офицеров уложил, гад. Потом говорят, почуял, что жареным запахло, стал следы подчищать, чтобы на него не вышли. Перебрался через границу с нашими солдатами, думал, что обманул всех, да не тут-то было. Здесь его наши спецслужбы уже ждали. Вроде бы, в последний момент он что-то понял, и подался в бега. Бегал, бегал, ныкался, да вот у нас в области и поймали, говорят, какого-то подполковника при задержании серьезно ранил.

— Вот сука, а мне начальник смены ничего такого про него не сказал, — толстый вновь недоверчиво покосился на коллег. — Специально что ли? Не доверяет?

— А, что он тебе может сказать, если походу сам ни сном, ни духом, — предположил Леха.

— А может и знает, но молчит. Кто мы такие, чтобы с нами такой информацией делится, — заметил Рыжий.

— Да если бы, наверное, знал, то вероятнее всего меня бы одного на свиданку с Митрофановым не отправил. Он если профи, то и в заложники мог взять его или вообще нас обоих убить, — толстячок пренебрежительно посмотрел на Андрея.

— Ну, ты и фантазировать, — усмехнулся Рыжий. — А потом бы стену взорвал и в танк прыгнул.

— Так, хватит стебаться, — вмешался Леха. — Давайте от греха подальше в чувства приводить эту Сирийскую гниду, да обратно его в карцер, а то, если он действительно тот о ком говорил Михалыч, за ним явно держат ухо востро, — засуетился он, принявшись легонько бить парня по щекам.

— А чего тогда ни кто еще не спохватился? Минут десять здесь с ним торчим, — засомневался Рыжий.

— Не сглазь, — фыркнул Тимоха. — Давай, приводи его в чувства, а то, что-то после ваших рассказов на сердце очень беспокойно, — взволнованно пожаловался он.

— Скоро очухается, веки вон дрожат, — слегка улыбнулся Леха, явно сам ожидавший с нетерпением этого момента. — Хорошо, что не сильно приложили, а так бы отправили этого говнюка в больничку, а себе геморроя нажили, мама не горюй!

— Вооодыыы, — еле слышно простонал Андрей.

— А ну, посмотри на меня, — Леха схватил небрежно пальцами голову Андрея и, приподняв ее от пола, стал рассматривать его лицо, словно дыню в магазине. — Так, так, вроде все пучком мужики, зрачки бегают, слюни дуются, жить будет, — завершил диагностику он. — Вставай, упырь, в карцере попьешь, — он тут же схватил подозреваемого за наручники, и рванул его на себя. Толстячок поспешил подхватить ватное тело Андрея, просунув руку под его плечо.

— Блин, по камерам то видно будет, что мы его тащим, что говорить будем, если спросят? — внезапно остановившись перед дверью, спросил Тимоха.

— Если спросят, что-нибудь скажем, а не спросят, так и нечего голову забивать. Живой, да и ладно. Давай пошли обратно в твой любимый карцер, — Леха кивнул головой Рыжему, дав понять отойти от двери.

ГЛАВА 12

— Мне кажется, вы делаете преждевременные выводы! Ничего сверхъестественного в этом нет, — слегка прикрываясь рукой от телевизионных камер и микрофонов, прокомментировал пресс-секретарь Губернатора Мурманской области.

— Вы считаете, что люди в Ревде исцелились сами по себе? — кто-то басовито выкрикнул из бурлящей толпы.

— Если вы хотите услышать мое личное мнение, то я перестал верить в чудеса еще в детстве. А то, что люди иногда выздоравливают, это не чудо, а результат правильного лечения. Этому не нужно удивляться, медицина сейчас творит ..., — пресс-секретарь неожиданно замолчал, поняв, что предложение построено неправильно, и слово, которым оно заканчивается, дискредитирующее может быть вырвано журналистами из контекста. — В общем, — сделав секундную заминку, продолжил он. — Медицина в России сейчас на высоком уровне, в том числе и у нас в области и этим нужно гордиться!

— Говорят, что многие видели белую, яркую вспышку, что это могло быть? — тут же раздался вопрос одного из журналистов. — Возможно ли, что именно она повлияла на здоровье людей?

— Я не знаю ни о какой вспышке, и вообще больница на то и есть, чтобы там люди лечились и выздоравливали, — с улыбкой на лице, всплеснул руками пресс-секретарь.

— На каком основании, вы утверждаете, что в произошедшем нет ничего сверхъестественного? Ведь то, что люди внезапно излечились подтвердила даже экспертная группа из Мурманска, что вы скажете на это? — Следом, перебивая своего коллегу, громко выкрикнул бородатый мужчина, с вознесенным над головой диктофоном.

— Какая группа? От куда? У вас есть хоть один государственный документ, государственная экспертиза? Уверен, что нет, поэтому это все чьи-то фантазии, а вы будоражите общественность, как-то не профессионально коллеги! Давайтеждемся данных официального результата расследования.

— Что это за данные? Кто проводит расследование? Поделитесь, расскажите! — тут же вскипела толпа корреспондентов.

— У нас на руках даже пока нет подтвержденной информации о том, что люди, чьи лица мельтешат в желтой прессе и по местным каналам, которые разносят нелепые истории о своем невероятном, мгновенном исцелении, вообще имели какое-то отношение к больнице в Ревде. Шарлатанов и жуликов у нас в стране хватает. Потом будут говорить, что у них появились сверхспособности, они овладели даром телепатии и ясновидения. Проходили, знаем. Вот кто из вас может гарантированно заявить, что эта история правда от начал до конца, и в Ревде действительно творятся чудеса? Свет там божий, НЛЮ или еще какая-нибудь чудотворная сила. Или об этом можно будет заявлять, когда все будет проверено и изучено? Даже начать с простого, изучить карточки больных, и знать наверняка, что бабка излечилась внезапно не от ангины, а от рака горла, ну? — перешел в наступление пресс-секретарь.

— Анатолий Валентинович, но ведь главный врач больницы в Ревде сам, лично, говорил на камеру о том, что больные, смертельно больные люди, внезапно исцелились, — звонко прокричала рыжеволосая девушка пытающаяся поднести свой диктофон как можно ближе к сотруднику администрации. — Почему сейчас врачам и медперсоналу запрещено общаться с прессой?

— Интересно, конечно, — улыбочиво задумался на секунду пресс-секретарь. — А, что же это у нас смертельно больные люди делали в Ревде? У нас там, что лучшие врачи России или оборудование круче, чем областной больнице, поразмышляйте хотя бы над этим, не впитывайте все как губки, вы же профессионалы! А запрещено только из благих побуждений, чтобы

не баламутить общество. Вы хотите, чтобы в больницу в Ревде съехались тысячи безнадежно больных со всей страны. И потом не найдя там спасения, потратив последние свои силы, испустили дух в этом поселке? Осознайте пожалуйста глобальность последствий...

— Кто такой Андрей Верховодцев, вы знаете? — Воспользовавшись короткой паузой пресс-секретаря, прокричал кто-то из корреспондентов. — Говорят, он причастен к ранению полковника полиции в Ревде, это правда?

— Сколько всего оказывается интересного происходит в Ревде, — усмехнулся пресс-секретарь. — Я не знаю, кто такой Верховодцев, и если он и причастен к ранению подполковника Соломонова, то мне подробности не известны. Если вам нужно больше информации то, рекомендую вам обратиться напрямую в полицию, хотя, думаю в рамках следствия вам мало тоже чего смогут рассказать, — немного смутившись от вопроса, бегло ответил пресс-секретарь.

— Говорят, что Верховодцев находился в этой же больнице, — прокричал вновь этот же журналист. — А потом его вывезли полицейские в неизвестном направлении. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Молодой человек, обращайтесь в полицию, я не знаю кто такой Андрей Верховодцев, мне это имя и фамилия не известны, — уже явно раздраженно ответил сотрудник администрации, выискивая в толпе назойливого журналиста и просверлив его жгучим, ядовитым взглядом, который тут же был пойман десятком фотокамер. — Уважаемые коллеги, у меня честно нет какой-то значимой информации на сегодняшний день, по тем вопросам, которые вы мне сейчас задали, — сморщился от неприятного натиска корреспондентов пресс-секретарь. — Я предлагаю, в ближайшее время назначить пресс-конференцию, где в нормальных условиях, мы сможем ответить на все ваши вопросы. Прошу меня простить, но я вынужден идти. — Слуга народа, махнул рукой охране и та, перекрыв узкий проход между колоннами, дала возможность ему скрыться, оставив галдевшую толпу в одиночестве.

Рука, с большим золотым перстнем на безымянном пальце, взяла пульт и переключила канал телевизора.

— Нога была с гангреной, мне должны были ее оперировать, ну отрезать по колено, — на экране появилось обезумевшее от радости лицо престарелой женщины. — А потом, с каждым часом, чернота уходила и уходила, словно в краске была замарана. Два дня и следа не осталось. Вот смотрите. — Бабка задрала неприлично высоко халат, оголив действительно здоровые ноги. — Даже варикоз исчез, представляете!

— А с чем вы связываете такое чудесное исцеление? — тут же спросила корреспондентка у женщины.

— Не знаю, в тот день была яркая вспышка, даже глазам больно стало. Короткая такая, а потом, а после нее и настроение лучше стало и болевые симптомы стали пропадать...

Большой палец руки нажал на красную кнопку пульта и экран телевизора погас, оборвав слова женщины на полуслове.

— Ну, что тут скажешь, Илья Давидович? — устало протянул Митрофанов, посмотрев опечаленно на сидящего рядом в кресле седовласого человека, лет семидесяти на вид.

— А, что тут скажешь, чудеса, да и только, — усмешливо, с заметным азербайджанским акцентом ответил собеседник, делая маленький глоток дорогого виски со льдом. — Что это на самом деле? Чья-то пиар акция? Кто там в Ревде занимается режиссерством такой отсебятины?

— Не знаю, мы пробили по своим каналам, но там... в общем, нужно время, чтобы понять откуда ноги растут, — пожал плечами Митрофанов и сделал глоток виски.

— Да, если этот цирк не прикрыть, то твоего Верховодцева, как шило, в мешке не утаишь! — Задумчиво покачал головой Илья Давыдович. — Но это точно кто-то из твоих или Мишкиных.

— Да уже голову сломал, кто это может быть... — Митрофанов потер ладонью лысину. — Но в чем смысл? Нарушить мои планы относительно этого алтайского отморозка? — поразмыслил он в слух.

— Да пусть так Анатолий Борисович, не сейчас ты накажешь его как желаешь, а потом, ведь он все равно будет сидеть, пять трупов за ним числится, никуда не денется, неужели я не найду людей хоть в Нижнем Тагиле, хоть в Магадане, чтобы они сделали жизнь Мишиному обидчику невыносимой, даже будут фотографии тебе ежедневно слать, если захочешь, — улыбнулся Илья Давидович.

— Спасибо тебе, мой друг, — Митрофанов, немного подался вперед и похлопал по коленке собеседника. — Я с тобой полностью согласен, но вот, что делать с этим? — он указал рукой на телевизор. — Эти журналисты они же как саранча....

— Ну, это совсем не проблема, давай выпьем лучше за здоровье Миши, оно ему сейчас точно не помешает, — улыбнулся Илья Давидович. — Хотя уверен Рустам Анварович поставит Мишенку на ноги, вот кто главный волшебник в Москве, вот про это надо этим продажным журналистам писать и показывать фильмы, сколько он людей на ноги поставил, сколько уникальных операций провел, а ведь он меня старше на три года!

— Ты прав Илья Давидович, давай выпьем за здоровье Миши и волшебство Рустама Анваровича, — Митрофанов взял свой стакан с виски и аккуратно чокнулся с гостем.

— На счет журналистов не переживай и ничего не делай через свои каналы, я позвоню вечером кое-кому, и журналисты завтра расскажут совсем другое. А вот тебе нужно поступить следующим образом, — пригубив изысканный напиток, седовласый мужчина, задумавшись, замолчал на несколько секунд. — Слышал я, что ты этого отморозка голодом моришь, не хорошо, сдохнет он, раньше, чем ты почувствуешь сладость мести, пусть ест, спит, как обычный сиделец. Зачем тебе лишняя геморрой, сейчас журналисты видишь, как возбуждены, начнут шерстить, не дай Бог чего нароют, чего не надо. Мы их успокоим, но и поводов давать не нужно. Пусть все успокоится. Много ты людей и служб привлек на эмоциях к своему Верховодцеву. Уже звонили просто мне люди из Москвы, пусть и не интересовались на прямую, но намеки дали, что лишнее внимание мы здесь к компетентным органам привлекаем.

— Да, сейчас понимаю, что немного перегнул палку с ФСБ и остальными, — опустил виновато глаза Митрофанов.

— Но и я тебя понимаю хорошо. С моим племянником такое бы сотворили, я может быть и больших дров наломал бы, — сочувственно покивал головой Илья Давидович. — И вот еще, что просьба, личная, — он внимательно посмотрел на Митрофанова.

— Все, что угодно для вас Илья Давидович, — взбодрился Анатолий Борисович.

— Заканчивай ты уже воевать с Палычем, ты понял о ком я! — Илья Давидович строго посмотрел на Митрофанова, тот в ответ моргнул в знак согласия. — Он человек хороший, нужный, не надо перегибать палку. Мы с тобой оба знаем, с чего все началось...

— Правильный он через-чур, — недовольно буркнул Митрофанов.

— Так это же хорошо, если не будет правильных людей в следственном комитете, в полиции, кто будет шушеру тасовать, да гнилье всякое к ногтю прижимать? Был бы он дурак и правильный, вот это было бы страшно, а он человек разумный, всегда с ним договориться можно, если не быковать! Поэтому с ним дружить надо, а не в контрах ходить! — утвердительно закончил Илья Давидович.

— Я прислушаюсь к твоему совету, — согласился Митрофанов, задумчиво прикусив палец.

— Прислушайся, обязательно прислушайся. Пока я жив, многие в этом городе едят и пьют вдоволь, не будет меня, перегрызётеся все, а затем сдохните где-нибудь в Лефортово. Завтра Палыч утром оформит Верховодцева как положено, словно только прибыл в СИЗО, а ты пусти все на самотек.

— Палыч? — удивился Митрофанов.

— А, что ты удивляешься, я же говорю, что он нормальный человек, если с ним нормально разговаривать. Его бойцы все оформят как положено, чтобы муха носа не подточила. А твой отморозок пусть посидит с какими-нибудь такими же отмороженными бандитами в камере, пусть прочувствует на своей шкуре, каково с подобными себе сидеть. Так сказать, познает прелесть будущей жизни. Только прикажи Буйнову лично проконтролировать, чтобы эти сидельцы Верховодцева не покалечили, пока журналисты жужжат, надо, чтобы он был в адекватной форме.

— Спасибо, спасибо тебе огромное, что помогаешь мне, — чувственно улыбнулся Митрофанов.

— Ну, ты сам знаешь, что в дружбе, взаимопомощь — это фундамент, — улыбнулся в ответ Илья Давидович и протянул стакан с остатками виски, с целью закрепить эти слова, глухим звоном стекла.

ГЛАВА 13

Через пару часов Андрей окончательно пришел в себя. Болела шея, подташнивало, кружилась голова, ныли ребра, болезненно крутило от третьего дня голодания живот, гудели ноги, в общем, самочувствие было, дрянь. Болезненное переползание от шконки до крана с водой, далось парню с трудом. Жадно напившись и умыв лицо, ему стало немного легче. Обратный путь Андрей проделал уже на ногах, грузно рухнув на жесткую шконку. Отдышавшись и выбрав момент, когда стихнут возникшие в голове пульсирующие боли, ощупал шею и больные ребра. Простонав сочувствующе самому себе, он начал переворачиваться на бок, выискивая наименее безболезненную позу. Неожиданно он замер, услышав какое-то шуршание за дверью. И действительно за ней кто-то не громко копошился, шебуриша пакетом или бумагой. Андрей взволнованно ждал, боясь пошевелиться.

Наконец, лязгнула щеколда и в окошке появился чей-то пытливый взгляд изучающий обстановку внутри карцера.

— Жри, падаль! — неприязненно прохрипел голос, а затем в окошко влетел небольшой сверток, явно брошенный с прицелом на нужник. Но прицел кидающего, был не точен, и сверток не долетев немного, ударился об пьедестал уборной части камеры и отлетел в дальний угол, противоположный от нужника. — Вот, сука, — Протянул явно недовольный своим броском человек. — Не знаю, за какие это заслуги, но я бы тебе лучше кусок говна завернул в газетку. Сука. Чтоб ты подавился и сдох здесь на своей параше.

Андрей, продолжал лежать неподвижно, боясь спровоцировать агрессивно настроенного гостя, лишь слегка проводил взглядом пролетевший мимо сверток. После не продолжительного монолога, человек за дверью грубо закрыл окно, пнул ногой в дверь, в довесок крикнув, что-то матерное, а затем почти не слышно удалился.

Когда за дверью исчезли все звуки, Андрей осторожно сполз со шконки. Вытянув руку, ткнул легонько пальцем плохо различимый в сумраке маленький прямоугольник. Затем взял его дрожащей рукой, тут же изумленно хрюкнув от радости, увидев название «Сникерс». Парень схватил его, обернулся, посмотрев на дверь, быстро заполз обратно на шконку, а затем, убедившись в отсутствии звуков за дверью, разорвал этикетку, и жадно сунул один из двух кусочков шоколадки в рот уже доверху наполненный слюной. Второй кусок сразу же пошел следом, за плохо прожеванным первым. Андрею хотелось дольше наслаждаться этим прекрасным вкусом, но неудержимые глотательные спазмы, старались как можно скорее доставить драгоценный кусок еды в желудок. Вылизав до блеска этикет, он аккуратно свернул его и положил в карман. Залив, упавшую в желудок шоколадку, водой, Андрей почувствовал потрясающее удовлетворение, от чего забыв о всякой боли, разлегся на шконке, и довольный закрыв глаза, через несколько минут погрузился в сон.

Через какое-то время дверь вновь лязгнула затвором. Андрей, с трудом вырываясь из объятий сна, приподнял голову, продирая залипшие глаза. В дверном проеме появился плотного телосложения человек в камуфляжной форме, лет пятидесяти на вид.

— Чего разлегся упырь, — закричал он и, замахнувшись, с силой ударил резиновой дубинкой по деревянной шконке, рядом с ногами Андрея. — Встать! — грубо скомандовал он.

Андрей испуганно встрепенулся, тело рефлекторно подалось вперед, пытаясь исполнить команду. В это же мгновение, надзиратель схватил парня за грудки и легко, не напрягаясь, поднял его со шконки и выкинул в коридор. Раздался дружный смех двух других надзирателей, стоявших у дверей в карцер.

— Пошли прописываться, упырь, а то тебя уже заждались, — усмешливо произнес надзиратель и так же легко, как и прежде, схватив Андрея за шкирку, поднял его, поставив на ноги.

— Руки вытянул назад! — Тут же скомандовал упитанный надзиратель с округлым лицом и протянул к парню наручники.

ГЛАВА 14

Послужной список преступлений, как любил говорить знакомым Захар Афанасьевич, по кличке Печник, удивил бы даже самого чёрта. Поэтому коротать дни в свои шестьдесят с хвостиком лет, ему было привычнее за решеткой. Вот и сейчас, погуляв на свободе всего лишь девять дней, он ограбил магазин в дачном обществе, погулял ночь и даже захватил утро, а потом приехали полицейские и повязали. Глупый человек подумали они, а нет, человек он был далеко не глупый.

— Неужели ты думал, что мы тебя не найдем? — ухмылялся молодой следователь из районного отдела полиции допрашивая подозреваемого. — Покурил, пачку бросил, да и продавцам вчера ты подозрительным показался, в общем наследил так, что только записку оставалось оставить. Ну ты, Печник, и даешь! С твоим послужным списком можно уже и поаккуратнее быть.

А Захар Афанасьевич, в ответ загадочно улыбался. Его веселил этот желторотый следователь своими глупыми ухмылками, да и принятый с утра коньячок из обворованной лавки, прибавлял настроения. Следователь, в силу своей молодости и не догадываясь о том, что Печник все продумал, ведь на воле его никто не ждал. Дети отказались от отца уже давно, да и где они сейчас живут он даже не имел представления, а жена умерла еще пятнадцать лет назад. Других родственников среди живых и здравствующих на воле он не знал. Его конечно же бы приютили к себе бывшие подельники и сокамерники, коих в этом мире было более чем предостаточно, но быть чьим-то обременением, он не хотел. Поэтому покатавшись по округе, встретившись со своими старыми знакомыми, он решил, что пора и возвращаться. Можно конечно было бы кого-то и вальнуть, ну, чтобы уж наверняка не выпустили на свободу, но, марать свои руки в крови на старость лет он посчитал делом не благоразумным, да и бессмысленным. Коротать свои последние дни в строгаче, еще то удовольствие, да и если за всю жизнь никого не убил, то и на старость такой грех брать уже ему не хотелось. Хмель будоражил кровь, настроение у Печника было хорошим.

— Надо было пустую пачку все же не оставлять, — подумалось вдруг Захару Афанасьевичу, так как отчего-то захотелось продолжить одиночную разгульную трапезу. Ко всему прочему смущал стоявший на столе недопитый коньяк в бутылке и дурманящим запахом манила надкусанная палка сырокопченной колбасы.

— Начальник, разреши немного пригубить коньячку перед долгим и нелегким этапом? — Виновато посмотрел Печник на строчащего протокол следователя.

— Может тебе бутылочку с собой положить в машину? — Рассмеялся один из оперов находящихся поблизости.

Печник оскалисто улыбнулся.

— Положи тогда еще и колбаски милок, — ну убирая идиотской улыбкой с лица, Печник обратился к оперу.

— Ну, пусть глотнет, че жалко что ли? — Следователь перебил было хотевшего грубо ответить Печнику, опера.

— Ага, а потом ты сам будешь его блевотину в машине вытирать? — подошел к столу сержант и взяв со стола бутылку, с отвращением посмотрел на ее содержимое внутри на свет. — Там может сивуха какая, а не коньяк, — осторожно он поднес бутылку к своему носу. — Хм, да нет вроде пахнет коньяком. Ты смотри, нашел же что брать, по элитному алкоголю соскучился?

— Ну, извини Захар Афанасьевич, придется тебе пяток лет без коньячка обходиться, — следователь виновато вжал голову в плечи.

— Пятерочку? — неудовлетворенный услышанной цифрой переспросил Печник. Как-то пять лет за очередной рецидив его не очень устраивал.

— А ты думал условкой отделаться? — рассмеялись опер и сержанты сновавшие без дела по комнате.

— Ну, если во всем признаешься и будешь паинькой, то может и четыре с половиной дадут, — следователь усмешливо посмотрел на Печника, лицо у которого в момент стало понурым, а взгляд колким и ненавистным.

Печник недовольно фыркнул и с молодецкой ловкостью соскочил со стула и сбил с ног сержанта стоявшего с бутылкой коньяка. Сержант от неожиданности выкатив глаза, рухнул на пол, при этом он умудрился не то что не уронить бутылку, даже не расплескать коньяк из нее. Опер выронив трехэтажный мат, отпрянул назад и потянул руку к своей кобуре.

— Ты, охренел, что ли? — следователь крикнул Печнику и ринулся в след за ним отбросив в сторону папку с недописанным протоколом.

Печник резво запрыгнул на сержанта и выхватил бутылку из его рук. Сержант, находящийся под ним замер, в ожидании того, что тот просто начнет жадно сушить коньяк из бутылки, но не тут-то было. Печник, одичало улыбнулся и тут же нанес бутылкой удар в лицо полицейского. Раздался предупредительный выстрел, с потолка посыпался шлак, засыпанный вместо утеплителя в перекрытии дачного домика.

Печник поднял закованные руки в наручники над головой и тут же получил удар в челюсть снизу от сержанта, лицо которого залилось кровью от выбитого зуба и расквашенного носа.

Избитый полицейскими, но довольный, он трясся в багажнике полицейского УАЗика. Печник добавил к своим пяти годам за кражу, как минимум еще лет пять за нападение на полицейского. Этого было вполне достаточно, чтобы со спокойной совестью и с хорошим настроением возвращаться туда где его знал почти каждый, туда, где он чувствовал себя по-настоящему дома.

ГЛАВА 15

Железная, изрядно пошарпанная дверь камеры, к которой подвели Андрея, тяжело поддалась натиску сопровождавших его конвоиров.

— Че это с ней? — недоумева буркнул один из охранников.

Нехотя, противно процарапав своим железным низом неровный, бетонный пол, она отворилась, дав возможность яркой коридорной лампе впустить полоску света в полумрак камеры.

— Вперед! — коротко скомандовал охранник.

Андрей робко шагнул внутрь, тут же почувствовав неприятный толчок резиновой дубинки в спину.

— В штаны наложил, что ли от страха? Это правильно, есть от чего! Ну ка давай шевели своими ходунками, пока я не поломал тебе их! — выругался надзиратель напоследок, тут же противно проскрежестав за спиной Андрея закрывающейся дверью. Камера наполнилась ехидным смехом.

Внутри было неуютно. В маленькое окошко, на противоположной от двери стене, робко проникал свет, нехотя переливаясь еле заметными лучами по клубам сигаретного дыма, который стоял заметной шапкой у потолка камеры. Воздух здесь был затхлым и прокуренным, это сочетание запахов хоть и было уже для Андрея знакомым, но тут оно было через чур ядовито выраженным. Двухэтажные, облезшие шконки стояли по разные стороны камеры, между ними находился продолговатый стол, на котором стоял алюминиевый чайник, лежали несколько газет и железная пепельница наполненная бычками от сигарет.

Появившегося возле двери Андрея явно здесь уже ждали. Постояльцев в камере было четверо, довольно крупный, лысый азиат, восседавший за столом с алюминиевой кружкой в руках, пожилой мужик с внешностью закоренелого уголовника, стоящий рядом с азиатом, и еще двое парней, которые стояли в передней части камеры, встречая гостя.

— Бля мужики, а если он реально в штаны наложил?! — сморщившись, усмешливо сказал коренастый парень, с огромной наколкой, начинающейся от правого уха и заканчивающейся где-то под майкой. Он, подойдя к Андрею, осмотрел его со спины, а затем пренебрежительно сплюнул на пол. — Мне кажется какой-то запашок есть! Сокамерники дружно, наигранно поморщились. Коренастый ехидно оскалился, глядя в лицо Андрею и усмешкой поинтересовался:

— Ну как зовут тебя, обосранная куколка?

— Да подожди ты заигрывать, пусть зайдет, немного так сказать обвыкнет к обстановке, — сипловато протянул долговязый, короткостриженный парень, неприятной, отталкивающей внешности, лет тридцати пяти на вид.

— Я парень, а не девка! — грубо ответил Андрей.

— Оууу, да он еще и с характером, — ударил в ладоши коренастый парень, тут же рассмеявшись. — Будет, что обламывать!

За ним рассмеялись остальные сокамерники.

Андрей почувствовал как волнение накрывает его. Он стал тяжело дышать, руки задрожали.

— Слышь ты, фуфел?! — недовольно прорычал азиат.

Коренастый парень убрал с лица улыбку и тут же схватив Андрея за руку, потянул его к столу, за которым сидел Азиат.

— Мужики, вы чего делаете? Я нормальный парень, что вы ко мне прикопались? — дрожа в голосе, сопротивляясь, вскричал Андрей.

— Тссс фуфел, — встретил Андрея недружественным взглядом азиат, резко встав из-за стола. — Едало свое закрой! — злобно прошипел он. — Рано ты кипишь поднимаешь, мы еще тебе даже больно не сделали.

— Нее, Татарин, мы сразу больно делать не будем, мы ему сначала приятно сделаем, ну надеюсь, что ему будет так же приятно как и нам.. — долговязый парень как-то маниакально улыбнулся своему коренастому сокамернику с огромной наколкой. — Нам тут птички нашептали, что ты как раз, утexas любишь, ласки. Прямо, по адресу пришел.

Мужчины в камере снова дружно рассмеялись.

— Ну, что педофил недоделанный, вот и настал твой звездный час, готов? — неожиданно спросил коренастый парень у Андрея, схватив его грубо пальцами за голову и повернув лицом к себе.

— Вы, о чем? Я не педофил, вы ошиблись, вы с кем-то меня перепутали, — дрожащим голосом пробубнил Андрей. — Я обвиняюсь в убийстве, я не педофил..., — заикаясь от страха, выпалил неожиданно для себя Андрей.

— Если ты гнида еще и кого-то убил, и не дай Бог какое дитя! Ооо, я твоей участи вообще не завидую! — настороженно, зловеще произнес азиат.

— Нет, нет, я не убивал детей, я я, — Андрей понял, что не может сейчас от волнения связать даже нескольких слов в предложение. Ком встал в горле, предательски начало крутить живот. Андрей попытался вырваться, но не смог, сил практически не было, лишь неуклюжими движениями, снова рассмешил своих мучителей.

— А он еще и брыкается, упырь! — Азиат протиснулся вдоль стола и подошел к Андрею. — Я ко многому терпелив, но вот каждого педофила бы удавил своими руками, — злобно прошипел он Андрею в лицо, демонстративно раздавив в своем поднятом кулаке, мнимое яблоко.

— Татарин, оставь его пацанам, пусть повыселяться, а то ты, сейчас стукнешь его своим кулачищем, и на тот свет отправишь, — раздался спокойный голос пожилого мужчины, положившего руку на плечо азиата. — Он, что-то совсем синюшный какой-то, хоть бы от страха сам не откинулся.

— Не бойся Печник, я об эту гниду руки свои марать не буду, по крайней мере сегодня, — Татарин плюнул под ноги Андрею и развернувшись, уселся на стол. — Давай Чеснок, уже не томи, а то этот выродок чувствую уже зажался когда вы его приласкаете.

— Не, надо, прошу вас не надо! Я ничего никому плохого не сделал! — глотая воздух, взволнованно вскричал Андрей. — Пожалуйста, не трогайте меня! Я буду кричать!

— Ой чувствую сдохнет этот немощный, не выдержит пыла парней наших, — покачал головой Печник. — Может сегодня так, пожуришь его немного?!

— Ты, что о здоровье этой гниды переживаешь? — озлобленно усмехнулся Татарин. — Сдохнет, значит туда ему и дорога! — Злорадно улынувшись Андрею, ответил азиат. — Его все равно рано или поздно в расход пустят, педофилов сам знаешь, здесь очень сильно не любят.

— Да не педофил я! Вы, что?! Я же говорю, что вы меня с кем-то перепутали!!! — заверещал Андрей в очередной раз попытавшись вырваться из крепкой хватки коренастого парня.

— Раньше надо было думать, кусок говна! — пренебрежительно сморщился Печник, подкуривая сигарету. — Продолжайте парни, но без перебора, — спокойно сказал Печник, махнув рукой, дав отсечку действиям молодым отморозкам. — Пусть сегодня у него будет ознакомительная встреча....

Коренастый, схватил Андрея за шею, мгновенно подсек его ноги и грубо уложил на пол. Оттащив Андрея поближе к двери, он больно схватил его своей мощной пятерней за лицо. Андрей закричал сквозь слезы. Он догадывался, что с ним хотели сделать, и от этого действительно захотелось сдохнуть еще до того момента, когда над ним начнут издеваться эти отмо-

розки. Он извивался и сопротивлялся, но сил было ничтожно мало, да и соперников было двое и весьма сильных.

Лязгнуло смотровое окошко в двери. Андрей, было, облегчённо вздохнул, и подумал уже о скором пресечении этого ужасного беспредела, но пятерня сдавливающая лицо не разжалась, дверь в камеру не открылась, никто не вбежал с дубинками и не отбросил этих обезумевших отморожков от него.

— Поооомогитееее, — прохрипел обессиленно Андрей.

Реакции не последовало. Шоу продолжалось, просто, как оказалось зрителей у этого истязания, немного прибавилось. Коренастый парень резко схватил Андрея за руки, и скрутив их крест на крест, сделал сопротивление Андрея малоэффективным.

— Нравится не нравится, терпи моя красавица!!! — захрюкал от удовольствия долговязый парень и ногой ударил Андрея в печень. Андрей натужно заскулил и перестал сопротивляться. — Я похоже нашел у нашей красавицы эрогенную зону!!!

Татарин с Печником закатилась дружным смехом. Коренастый воспользовался тем, что Андрей перестал сопротивляться, и резко рванув его за руки, уложил на лопатки. Андрей, не взирая на острую боль в боку, начал брыкаться, пытаясь ногами ударить своих обидчиков.

Долговязый тут же упал на колени рядом с Андреем, и, схватив руками за ноги, стал их держать.

— Ну, что начнем наше веселье? — довольно прошипел коренастый обидчик. И склонившись к испуганному лицу Андрея, скорчив маниакальную гримасу, попытался наигранно облизать его влажную от слез щеку. Андрей извернулся, вынул из захвата руку и смазано ударил по подбородку коренастого обидчика.

— Ты чё упырь? — Выкатив глаза, ошарашенно вскрикнул долговязый. Его выражение лица в миг стало звериным, он зашипел, недовольно хрюкнул, тут же поймав своей большой пятерней высвободившуюся руку Андрея. — Метелица, ну-ка вдарь ему еще раз куда-нибудь в эрогенную зону, чтобы притих малость. Долговязый подельник довольно оскалил свои редкие зубы, бросил удерживать ногу и, занеся руку над Андреем, наотмашь ударил его в живот.

ГЛАВА 16

Белая, резкая вспышка ослепила всех в камере. Рука долговязого парня, вместо мягкой плоти живота Андрея, ударилась о нечто горячее, рыхлое, похожее на песок. Он вскрикнул от испуга, и завертелся на четвереньках по кругу, не понимая, что происходит. Глаза, ослепленные вспышкой, ничего не видели, бетонный, твердый пол под ногами превратился в песок. Затхлый воздух камеры стал внезапно душным, но чистым, лишенным всяких запахов.

— Аааа, что это? Где я? — взволнованно закричал он. — Татарин, Печник, что случилось?

Он завертел головой, зрение постепенно начало восстанавливаться. Уже сквозь белую пелену, начали проглядываться смазанные очертания его собственных рук и ног. Но, чем больше возвращалось зрение, тем сильнее накатывала волна страха и волнения.

Глаза все еще плохо видели, но уже и сейчас было понятно, что он находится точно не в камере. Он встал и на всякий случай принял боевую позу, выставив перед собой кулаки.

— Ну, кто здесь? Что это за шутки такие? — пытаюсь проморгаться, он потихоньку разворачивался по часовой стрелке.

Наконец зрение вернулось полностью, и он увидел белый, чистый песок, синее небо.

Он открыл рот и опустил руки, оторопевши рассматривая место, в котором он очутился.

Картинка совсем была невероятной, фантастической. Он поднял голову и посмотрел на ярко-белое солнце, чуть было не получив ожог сетчатки, вовремя закрыв глаза рукой.

Мысли шевелили и трясли мозг, пытаюсь выдать информацию о том, как он здесь очутился. Тщетно. Словно кто-то переключил канал телевизора, с одной картинки на другую, с полным эффектом присутствия.

— Эээ, твою мать, что это? — прохрипел за спиной знакомый голос.

— Чеснок?! — испуганно встрепенулся долговязый парень и резко обернулся.

Рядом валялся его подельник. Пытаясь привыкнуть к яркому белому свету, он сморщил по-дурацки лицо.

— Чеснок, где мы? Что за херня произошла? — Метелица подбежал к подельнику и помог ему подняться.

— Охренеть, — опешил Чеснок, наконец, рассмотрев, где они находятся. — Метелица, это, чё в натуре пустыня? Или... э... ну.., — он не смог подобрать слов и пребывая в глубоком замешательстве, медленно, с особым изумлением, не спеша покрутился вокруг своей оси. — Это как? — растерянно выронил он, уставившись испуганным взглядом в бескрайний горизонт пустыни.

Ровная, бесконечная гладь песка простиралась во все стороны. Ни травы, ни деревьев, не было даже барханов. Небо было такое же безжизненное и бездонное, как и простирающаяся вокруг пустыня. Был полный штиль.

— Ты, что помнишь последнее? — наконец немного придя в себя, протараторил испуганно долговязый парень.

— Ну, мы этого, в хате, которого Михалыч подсунил, ну, прессовать начали, я его держал, до сих пор ощущения в руках остались, а потом вот, — Чеснок развел руками. — Вот эта херня. Реально херня какая-то как такое могло произойти? Что мы там, а потом вот здесь..., — оборвав фразу, Чеснок замолчал, посмотрев зачем-то на свои вытянутые перед лицом руки. — Как это может такое быть?!

— Слушай, а может все это не реально, глюк какой-нибудь?! Может этот педофил нас чем-нибудь уколол? Наркотик, транквилизатор, сейчас всякой химии полно, говорят глюки такие ловишь, что крышак срывает, — поделился Метелица мыслями, в очередной раз насто-роженно осмотревшись по сторонам.

— Ты, что хочешь сказать это глюк? Вот это все вокруг, глюк? Горячий песок, пустыня, вот это через-чур жгучее солнце, все глюк? — оторвав свой взгляд от собственных рук, недоумевающе спросил Чеснок, посмотрев на подельника. — То есть мы с тобой сейчас видим один и тот же глюк? Может ты так шутишь? Давай проверим, я тебе в бубен сейчас засвечу, и если это глюк, то ты свои зубы не выплюнешь на песок... а? Проверим? — Чеснок сжал руку в кулак и занес ее над головой.

— Я просто предположил, должно же быть какое-то этому всему объяснение, — отмахнулся Метелица. — Но это же не реально, быть в СИЗО, а потом, здесь. Или с тобой такое часто в жизни происходило?

— Ни разу! — сокамерник пнул ногой по песку, взметнув в воздух миллионы песчинок.

— Ну с глюком, я с тобой согласен, не могли бы мы тогда с тобой видеть одно и то же. Тогда знаешь, что произошло? Ты фильм смотрел Кин-Дза-Дза? — спешно спросил Метелица.

— Не помню, и, что? — напрягся Чеснок.

— Там двое мужиков встретили какого-то бородатого терпилу с брелком, так вот на этом брелке были кнопки, они нажали на одну из них и переместились из зимней Москвы на другую планету. В один момент, как мы сейчас! Может этот педофил тоже с таким брелком был? — округлив глаза, сказал Метелица.

Чеснок, посмотрел на подельника как на прокаженного.

— Валера, ты, что дурак? Тебе сколько лет, чтобы ты в сказки верил? Педофил с машиной времени, — усмехнулся Чеснок. — Надо же до такого додуматься.

— Что опять идиотская мысль у меня? Тогда как мы здесь оказались? Есть мысли товарищ Шерлок Холмс? А, то, что-то я в последнее время у тебя дураком выхожу. Все, хватит, давай, рожай мысль, теперь тебя слушать будем, — следом вспылил Метелица. — Я вот, что-то других разумных объяснений не нахожу произошедшему. Чтобы секунду назад пресовать педофила в камере, а в следующий момент уже лежать посреди Сахары. Расскажи мне, поделись дельными мыслями, если они вообще в твоей башке есть!

— А вот и есть мысли, — недовольно фыркнул Чеснок. — У меня всегда они есть, в отличие от твоей тупой башки.

— Оуу, вот оно как, ну давай, я весь во внимании, — вскинул руками Метелица. — Ну! Давай, удиви меня своей находчивостью, мне прям очень интересно узнать твою версию произошедшего...

— А ты не думал о том, что мы просто с тобой сдохли? — спокойно заявил Чеснок.

— Что? — Метелица сначала удивился от услышанного, а потом улыбнулся. — Сдохли?

— От чего вдруг так неожиданно, да еще и с тобой на пару? Петушара нас чикнул пером? А это, что по-твоему загробный мир? Ад? В рай то мы с тобой точно не попадем. А где черти? Котлы всякие, в которых варятся грешники, где? — усмехнулся Метелица. — Кто дебил из нас так это ты! До такого додуматься! Я и вправду уж подумал, что ты может чего дельного скажешь сейчас.

Чеснок насупился, тяжело задышал, прикусил нижнюю губу и, толкнув плечом подельника, пошел прочь, сунув руки в карманы трико. — Да пошел ты! — фыркнул он.

— Надеюсь, ты знаешь, где автобусная остановка, дебил! — Метелица метнул ногой ему в след песком. — Катись, черта встретишь, привет ему передавай! — сплюнул он и, отвернувшись, стал пристально всматриваться в горизонт.

Следов вокруг них не было, ни от машин, ни от людей, словно их телепортировали сюда. Сама пустыня тоже была немного странной. Метелица, конечно, не бывал ни в Сахаре, ни в Калахари, но видел фотки в интернете и фильмы по телевизору. Тут как-то было все иначе. Словно это был какой-то огромный пляж. Обычно такой белый песок был на фотках дорогих курортов Карибского моря, но ни шума волн, ни криков чашек слышно не было, наоборот царил

очень дурная тишина. Вдруг, с той стороны куда ушел Чеснок, на секунду донесся еле слышный звук шипения, словно кто-то раскупорил бутылку газированного напитка.

Метелица резко повернул голову, но от увиденного растерялся, Чеснока видно не было. Сердце недружелюбно ёкнуло.

— Чеснок, — испуганно выкрикнул Метелица. Он закрутился на месте пытаясь отыскать его на фоне белого песка. — Ты, где? Не вздумай прятаться от меня, это вообще не смешно, — правый глаз нервно задергался, голос взволнованно осип. — Чеснок!

Сокамерника нигде не было. Не заметить его на белом фоне, в черно-серой майке и синих спортивных трико, было невозможно, да и насколько он смог бы убежать при всем желании за ту минуту, которую он был вне его видимости, сто, максимум двести метров. — Серега, хватит шутить, ну, я не со зла это сказал, все, заканчивай прятки, — Метелица осторожно побежал по его следу. — Залег в какую-нибудь ямку урод, — еле слышно пробубнил он, поймав удобную мысль, от которой ему стало немного спокойнее. — Серега, не испытывай мои нервы, ситуация не та, чтобы в прятки играть.

Чем дальше шел Метелица, тем беспокойнее у него становилось на душе. Внезапно белый фон, в котором тонули следы чеснока, разбавили капли темного-красного цвета. Метелица остановился и замер. Чуть склонился, чтобы рассмотреть пятна. Сомнений не было это была кровь. Стало не хватать воздуха, сердце грузно забилося в груди. Следы сокамерника прерывались неглубокими рытвинами, уходящими в небольшое углубление в песке, окропленное пятнами крови. — Охренеть! — сухо сглотнул Метелица и начал медленно отступать назад, предчувствуя совсем неладное. Давление раздуло виски, ладони вспотели, спина покрылась холодной испариной. Шаг, еще шаг, еще один. Внезапно в углублении, что-то зашевелилось, противно застрекотало, а в следующую секунду высоко в верх взметнул красный фонтан, выбросивший вместе с песком окровавленные ошметки останков человека, которые взлетев на десяток метров, глухо попадали на поверхность пустыни. Метелица стер с лица упавшие на него липкие капли, посмотрел на свои дрожащие, окровавленные подушки пальцев, и истерически завопив, бросился прочь от этого места.

Лишенные шнурков кроссовки потерялись в первые же секунды бега, но он этого и не заметил. От обуявшего ужаса его мозг впал в аварийный режим, отдав ногам последнюю команду — бежать. И он бежал, пока силы не стали покидать его и он, запнувшись, кубарем пролетев пару метров, упал на песок, уткнувшись лицом в его горячую поверхность. Метелица, вскочил и попытался бежать снова, но ноги уже не слушались. Легкие горели, в глазах темнело. Совладав с паническим криком, рвущимся наружу, он мучительно застонал, жадно вдыхая горячий воздух. Остановившись на несколько секунд, он пьяной походкой спешно побрел дальше, оборачиваясь, всматриваясь в горизонт воспаленными от попавшего песка, глазами.

В очередной раз, осмотрев пустынную линию горизонта, он остановился, облегченно выдохнул, выпрямился и только собрался растянуть улыбку, тут же ощутил под ногами, как что-то в глубине песка шевельнулось, и в следующую секунду тело Метелицы прожгла ужасная боль. Что-то безумно холодное проткнуло его от промежности до самого горла. Он открыл рот, чтобы вскрикнуть от боли, но не получилось, посторонний предмет торчал в горле, разрывая его с каждой секундой все сильнее. Затем песок под ногами разверзся, и Метелица провалился вниз. Словно попав в мясорубку, сначала ему чем-то перерубило ноги от ступней до бедер, затем раздавило в невидимых жерновах тазовые кости, и когда что-то разодрало его живот, втянув, словно в насос все внутренние органы, человеческий разум не выдержал адской боли, отключился, захлебнувшись в болевом шоке.

ГЛАВА 17

Метелица открыл глаза и снова увидел свои пальцы рук, которыми упирался в рыхлый белый песок. Он вскричал, словно его облили кипятком, быстро вскочил на ноги и принялся осматривать, ощупывать свое тело, которое еще казалось несколько секунд назад, было разорвано и съедено каким-то ужасным существом, живущим в песке. Но тело и даже одежда были целыми, словно ничего подобного и не было. Ни каких следов на песке, ни капель крови, ничего. Но в голове отчетливо помнилась ужасная боль. Словно мозг продолжал ощущать тело, которого больше не было. Не хватало только кроссовок и носков, на, что он не обратил даже внимание. Метелица нервно заводил головой по сторонам. Еле заметно на горизонте мелькнула черная точка. Он резко упал плашмя на песок, перевел дыхание и чуть приподняв голову, осторожно взгляделся в даль. Какая-то черная точка продолжала неподвижно стоять далеко у горизонта. Метелица аккуратно приподнялся, стараясь более внимательно рассмотреть предмет вдалеке, но сделать этого не смог. Тело зудело, словно оторванные чудовищем куски, срастались заново, кости ломило, голова была какой-то пустой. Яркие картинки его ужасной смерти снова побежали перед глазами, отчего Метелица ощутил себя сумасшедшим. Он на мгновение замер с широко открытыми глазами и ртом, словно смотрел на собственное растерзание на огромном полотне кинотеатра. Слеза покатилась по его щеке, глаз задергался и он, словно перезагрузившись, наконец, сухо сглотнул, вытер слезу, облизал сухие губы и тяжело, рвано дыша, вновь, судорожно еще раз осмотрелся по сторонам.

— Что происходит?! — дрожащим голосом еле слышно выронил он.

Руки сильно дрожали, он сжал их в кулаки, но это сильно не помогло, тело тоже передегивало в нервных спазмах. Внезапно накатила волна ощущения безысходности, он почувствовал такое дикое одиночество, что захотелось закопаться в песке, вновь быть съеденным ужасной тварью, просто перестать существовать. Он упал на колени и заскулил, закрыв лицо ладонями. В какой-то момент времени он поймал себя на мысли, что очень громко стонет и может ненароком привлечь внимание той самой твари, которая совсем недавно им пообедала или поужинала. Апатия как внезапно пришла, так неожиданно и улетучилась, сменившись уверенным желанием продолжать жить и бороться за свое существование. Метелица прекратил скулить и набрав воздуха в легкие, постарался сосредоточиться на черной точке вдалеке.

Нечто все же двигалось, где-то очень далеко, почти на горизонте, очень медленно, почти незаметно. Метелица, принялся наблюдать за непонятной точкой, не забывая постоянно оглядываться по сторонам. Объект точно двигался, но либо он был очень огромным и расстояние до него было велико настолько, что быстрое перемещение скрадывалось удаленностью, либо объект все же был небольшой и двигался очень медленно. Спустя несколько минут наблюдения, Метелица все-таки решил, что объект имеет скромные размеры, просто движется очень медленно. В голове отчего-то нарисовалась большая черепаха. С такого большого расстояния невозможно было определить не то, что размеров, даже самых грубых очертаний этого объекта. В любом случае оставаться на одном месте было бессмысленно. Нужно было найти срочно в этой пустыне хоть какое-то укрытие. Несмотря на то, что внезапно нахлынувшая апатия улетучилась, и внутренне состояние улучшилось, его кости и плоть до сих пор отзывались неприятными ощущениями, напоминая о том, как его медленно пережевывала скрывающаяся в песке тварь. Метелица, решил не рисковать и опустившись на четвереньки, осторожно пополз в сторону виднеющейся точки у горизонта. Передвигаться по песку таким способом было очень тяжело, силы быстро таяли. Метелица то и дело останавливался, ложился на живот и недолго отдыхал, лежа неподвижно. Объект очень неохотно приближался. Даже через полчаса движения за объектом, нельзя было сказать точно, что это было. Но уже было понятно, что это была округлая конструкция, которую толи катили, толи она катилась сама. Отчего-то опасности от

этого объекта Метелица уже не испытывал. Все было предельно вокруг спокойно и тихо. Это с одной стороны настораживало, но с другой стороны давало надежду на встречу с кем-то разумным, который наконец расскажет, где же он очутился? На чужой планете, в потустороннем или параллельном мире? Сомнений уже не было в том, что все происходящее не глюк, как он подумал в первые минуты пребывания здесь, и все это происходит с ним на самом деле. Но как все это произошло? Натуженный размышлениями мозг неожиданно снова выдал сопоставление с фильмом Кин-Дза-Дза. Он немного отвлекся на воспоминания фильма, уж больно похоже было его перемещение сюда, в эту пустыню, на перемещение героев фильма. Как и там герои внезапно перенеслись на другую планету, и возможно черная точка это какой-нибудь Пепелац или нечто похожее. Вдруг режиссёр или сценарист этого фильма сами переживали нечто подобное и как предупреждение для остальных сняли этот фильм, рассказывая, что и как нужно делать, попав в аналогичную ситуацию. Но вот не нажимал он никаких кнопок, не садился он ни в какой космический корабль, а постоянно всплывающее в памяти, странное воскрешение, вовсе рвало все догадки и предположения на части. Хотя теперь внешний вид паренька-педофила, однозначно Метелице казался странным и очень обманчивым. Может он действительно какой-нибудь заплутавший космический посланец с перемещающим в другие миры, пультом?

Прошло, наверное, около часа, с тех пор как Метелица на четвереньках бороздил разогретый от солнца песок. Наконец, подняв голову, Метелица смог различить уже гораздо большие очертания странного объекта. Огромное колесо, медленно плыло по песку в дрожащем слое нагретого воздуха. Угол обзора был не самый удачный, Метелица находился почти позади объекта, который в какой-то момент времени плавно сменил направление и стал сейчас удаляться от него. Метелица пытаясь понять, что же это такое, наконец, решился встать во весь рост. Осмотревшись внимательно по сторонам, он медленно поднялся на ноги. Чуть пригнувшись парень начал кроткими шагами нагонять объект. Расстояние начало наконец между ними ощутимо сокращаться. Вскоре он смог понять, что нагоняет все-таки объект живого происхождения. С большой вероятностью уже можно было сказать, что это была гигантская, по земным меркам, улитка, с домиком метров в пять высотой. Она грациозно двигалась по бескрайней пустыне, едва покачивая своим асфальтового цвета домиком. Сходство с теми улитками, которые Метелица видел в своей жизни ограничивалось только отдаленно схожей формой домика, все остальное у этого существа было отличным от земных улиток. Привычной подошвы, по средствам которой перемещаются земные улитки, у этого гиганта не было. Из-под огромной раковины-панциря, торчали сотни небольших ножек, которые медленно и синхронно переставляли свои шаровидные подошвы. Спереди из панциря торчала голова довольно больших размеров, внешне очень похожая на голову сома, особенно это сходство придавал рот существа. Такой же широкий, обрамленный тонкими губами. На лысой, голове покрытой сухой, потрескавшейся кожей, в особых углублениях торчала пара глаз. Метелица с трудом различал особенности существа, так как шел сейчас в метрах в сорока с боку от него.

Можно было различить, чуть дальше, за глазами, большие провалы в голове, которые по определению должны были быть слуховыми отверстиями. Еще Метелица заметил пару небольших конечностей, обрамленных довольно острым, загнутым когтем, которые торчали у самой шеи и то и дело касались песка, то поднимались к голове и слегка почёсывали подбородок. Теперь Метелица точно знал, он на другой планете, на земле таких существ точно нет, как и той твари, что недавно им пообедала.

Метелица шел уже не опасаясь этого гиганта, который казалось и не обращал на него никакого внимания. Разглядывая замысловатые узоры на панцире существа, неожиданно в голову пришла идея, попробовать забраться на эту улитку и продолжить путешествие на горе. Как минимум твари, выпрыгивающие из-под песка, там, на верху его не достанут. Да и экономить силы, лежа на панцире, казалось идеей весьма отличной. Он приблизился еще немного,

сократив между ними расстояние до пятнадцати метров. Существо продолжало его игнорировать, да и какую он мог представлять для него опасность, так, мошка, не более того. Наконец, удостоверившись в том, что существо не проявляет к нему никакого интереса, он чуть сбавил ход и зашел сзади. Сейчас он заметил, что из-под панциря гиганта сзади волочится разветвлённый хвост, который временами становился то длиннее, то короче. Очень смущали острые его оконечности, возможно ими гигант мог обороняться, поэтому идея взобраться на панцирь сзади была отброшена. Оставалось залезть с боку, что было весьма проблематично, так как панцирь хоть и был неровным, имеющий выступы и сколы, за которые можно было ухватиться, имел здесь, с боков, почти отвесный склон. Метелица зашел с боку и стал осматривать панцирь, выделяя мысленно уступы, за которые можно было ухватиться. В принципе, сложно было только на самом верху, где панцирь закруглялся и не имел узоров, становясь идеально гладким.

— Ну да ладно, будем пробовать, — выдохнул Метелица и направился к гиганту. Когда он приблизился почти в плотную к существу, стало как-то совсем не по себе. В ногах чувствовалась дрожь земли, от движения этой махины, воздух слегка резонировал жестким дыханием существа. Метелица протянул руку к панцирю существа, но прикасаться не спешил. Что-то внутри очень не хотело этого делать. Наконец он переборол страх и решился, осторожно коснулся панциря. На ощупь тот оказался очень схожий с камнем, такой же плотный и шершавый. Несмотря на то, что жара стояла довольно сильная, панцирь у существа был чуть теплый. Потерев руки, он высмотрел наиболее удобный для зацепа уступ и подпрыгнув уцепился за него руками. Но только он повис и стал заносить ноги, как вдруг гигант неожиданно остановился. В следующую секунду существо издало очень низкий, громкий звук, словно кто-то фальшиво взял ноту на огромной медной трубе, да так, что у Метелицы по коже пробежали гигантские мурашки. Он резко спрыгнул с панциря и отбежал на несколько метров в сторону. Гигант повел головой в направлении человека, пытаясь понять кто его осмелился потревожить. Глаза улитки были почти человеческими, она усталым взглядом посмотрела на странную двуногую букашку, которая робко пятилась назад. Низкий звук раздался вновь, но уже немного в другой тональности, и из отверстий в голове, которые Метелица определил, как слуховые, тут же вылетел десяток желтых жужжащих шариков. У Метелицы в груди, жалобно сдавило сердце, ноги бессильно подкосились. Он, едва не упав, вскочил и побежал без оглядки, только слыша, как быстро к нему приближался жужжащий звук за спиной. Вдруг он почувствовал, что что-то больно кольнуло его в правое плечо, а затем и в левую ягодицу, ноги сразу стали ватными и не послушными. Метелица хотел потрогать ноющее плечо, но рука не отреагировала на сигнал мозга. Сердце грохотало внутри так, что казалось сейчас разорвется от натуги. Нога подвернулась, руки предательски остались болтаться у туловища, и он со всего роста упал на бок, пробороздив лицом песок. Попытался, пошевелить хоть чем-то, но удалось это сделать только головой. Отправив сигналы ко всем мышцам и сухожилиям тела, с невероятным усилием он перевернулся на спину, увидев над собой зависшие в небе желтые шарики. Они игриво летали в воздухе, выписывая замысловатые фигуры, словно в танце праздновали победу над Метелицей. В отличии от тела, которое окончательно перестало слушаться, голова соображала ясно, но кроме мыслей о том, что он снова попал кому-то на обед, ничего больше не было. Через несколько секунд в поле зрения попала голова гиганта, который медленно подбирался к Метелице. Ему показалось, что гигант улыбается, и действительно его рот был растянут сильнее чем прежде. Оказавшись у ног Метелицы, гигант склонил голову и обнюхал двуногое существо. Запах оказался ему по нраву, существо довольно блеснуло глазами, открыв огромную пасть усеянную множеством мелких зубов. Кричать Метелица не мог, вероятно желтые шарики, ужалив его, впрыснули какой-то токсин вызывающий паралич тела. Охваченный диким ужасом происходящего он молча открывал рот, словно рыба оказавшаяся выброшенной на берег. Гигант опустил свои тонкие ручонки и зацепив острыми когтями ноги Метелицы, потянул его в свою огромную пасть. Боли Метелица не чувствовал, ощущал только как его

плоть разрывается мелкими зубами, как кости, словно спички ломаются от сильного сдавливания челюстей чудовища. Хотелось выскочить из своего тела и улететь куда-то прочь. Настолько это желание было сейчас таким сильным, что ему казалось, что это так и случится. Но, это чувство было обманчиво. Его тело продолжало медленно таять в пасти гигантской улитки. Противно хрустнул тазобедренный сустав, изо рта хлынула кровь. Сознание начало мутнеть, затем вдруг стало невозможно дышать и он, закрыв глаза, исчез в пасти чудовища.

Гигант поглотив добычу, еще значительное время работал своими челюстями, а затем, словно нечто несъедобное, выплюнул на песок кучку кровавого месива. Желтые шарики, витающие в воздухе, накинулись на кучку и жужжа, причмокивая, в течение двух минут выели все, что так добродушно выделил им хозяин, оставив на песке лишь кровавые пятна, да несколько сломанных, обглоданных костей от своей трапезы. Они снова взвились в воздух, сделали несколько мертвых петель, а затем, словно пчелы, влетевшие в свой улей, занырнули в слуховые отверстия гиганта, после чего улитка, покачала головой и развернувшись на пол оборота на месте, продолжила свой путь, так же медленно и величаво.

ГЛАВА 18

Поглотившая разум Метелицы, темная, беззвучная бездна, в одно мгновение растворилась. Он почувствовал, как миллионы его нервных окончаний, вновь целого тела, откликнулись разными ощущениями. В легкие набрался противный, теплый воздух, в горле чуть ощутимо зажгло. Он открыл глаза и увидел уже знакомое, безоблачное небо, в центре которого, все так же невероятно ярким белым светом, разливалось огромное пятно местного светила. По телу пробежали неприятные судороги, живот пересекло болезненным спазмом. Он резко повернулся на бок, и скудное содержимое его желудка тут же выплеснулось на горячий песок. Метелица, закашлялся. Рвотный спазм оказался коротким, но таким сильным, что, казалось, все нутро устремилось выйти через рот. Жадно втягивая воздух, он, чуть осмотревшись по сторонам, вновь упал на песок, поддавшись дикой слабости, которая ощущалась сейчас в каждой клетке его тела.

— Какого чёрта со мной происходит? — чуть слышно прохрипел он. Изнутри нахлынула уже знакомая волна обиды и беспомощности. Слезы потекли по щекам, он тут же поспешил убрать их рукой, все еще пытаясь казаться себе сильным, уверенным в себе пацаном, которым внутри, уже не являлся. Словно кислота разъела его бывлой пацанский стержень. Мякиш, хлебный мякиш, смог он подобрать себе в голове прозвище, описывающее его состояние в эту минуту. Он, было, воспротивился, стиснул зубы, попытался сосредоточиться, но тут же, словно в отместку, в голове всплыли картинки его ужасных смертей пережитых в этом проклятом месте. Эти ужасные мгновения, словно кто-то заснял на видео, и теперь специально транслировал в голову Метелицы, в независимости от того, хотел он этого или нет. При этом они были яркими и красочными, иногда от лица Метелицы, но чаще с ракурса наблюдателя, находящегося где-то совсем рядом. Метелица схватился за голову и натужно застонал. Тело отозвалось болезненными судорогами, словно напоминая о пережитых страданиях. Он не стал сопротивляться новой волне безудержных эмоций, уже не задумываясь о том, насколько это позволительно пацану или нет. Вдруг ему показалось, что он услышал нечто похожее на крик. Он резко замолчал, вытер лицо и, привстав, завертел настороженно головой по сторонам.

— Не может быть! — всхлиывая, вырвалось у Метелицы. — Чеснок! Эээй! Чеснок, братан! — закричал радостно он, что было сил.

Метрах в ста от Метелицы, согнувшись, путая босыми ногами от усталости, действительно брел человек. Черная фигура ярко выделялась на фоне белого песка, на огромном безжизненном пространстве, хотя еще была сложно различима для того, чтобы можно было однозначно рассмотреть, кто это был, но Метелица отчего-то был уверен, что это был его подельник. Грусть и безвыходность, сменилась мгновенно радостью, в голове тут же угасли все гнетущие его мысли, тело разом забыло про боль и усталость, захотелось снова жить, бороться, верить во что-то позитивное в своем будущем.

— Чеснок! — радостно закричал вновь Метелица, приводя в порядок руками заплаканное лицо.

Чеснок остановился, всмотрелся вдаль, прислонив руку ко лбу, и тут же в ответ, что-то закричал, размахивая руками.

Метелица припрыгнул от радости и на всех парах бросился к подельнику на встречу. Тот, тоже попытался бежать, но видать сил у него на это уже не осталось. Сделав с десяток шагов, он обессилено упал на колени и, стал дожидаться друга. Никогда еще Метелица так не был рад своему подельнику как сейчас. Несмотря на то, что они были знакомы уже около десяти лет, привычных большинству мужчин, дружеских взаимоотношений между ними так и не сложилось. Им попросту такие отношения были не нужны. Они были командой, их объединяло общее дело, один дополнял другого. На воле, они жили каждый по себе, совсем не интересуясь,

личной жизнью друг друга, но только наклеивалось интересное дело, тут же созванивались, встречались и не расставались, пока не проворачивали его. Ну, а если же задуманное шло не по плану или вовсе накрывалось медным тазом, то врозь или вместе коротали дни в какой-нибудь глуши, выжидая пока все утихнет или же, как сейчас, вместе ожидали суда в СИЗО. Может кто-то это бы и назвал истинной дружбой, но в их понимании это было обычное партнерство. Они находились вместе только тогда, когда это было выгодно обоим или обстоятельства не позволяли находиться порознь. Но у этого партнерства был один очень важный момент, который встречается далеко не в каждой мужской дружбе. У каждого из них была железная уверенность в том, что один другого никогда не кинет, не сдаст и не предаст. И в их несправедном деле это было очень важным обстоятельством, придающим друг другу уверенности в положительном исходе практически любого дела.

Радость переполняла Метлицу, он спешил к поделнику и готов был его раздавить в своих крепких объятьях. Это трепетная эмоция вызвала в голове Метелицы очень далекое воспоминание из детства, когда он бежал на встречу к маме, которая приехала забирать его из детского лагеря. Как он по ней скучал. Он впервые, наверное, за десять лет так искренне тепло вспомнил о ней, о ее любви, трепетному отношению к единственному сыну. В голове побежал кинофильм, детских, совсем далеких воспоминаний. За какие-то несколько секунд Метелице показалось, что он внутри себя прожил несколько часов, вспомнив достаточно многое из своего детства, приятного, беззаботного детства, которое закончилось в тот момент, когда он, в одиннадцать лет, переехал с родителями в Ярославль, связался со старшими ребятами, стал пропадать на улице, забросил школу, а потом и вовсе попал в детскую колонию. Вспомнив это, он поменялся в лице. Его тут же захлестнула вспышка ярости и злобы. Радужный взгляд вдруг стал волчьим, недружелюбным. Метелица почувствовал, как вдруг поменялось его настроение. От прежних чувств радости, встречи с поделником, не осталось и следа. Захотелось вдруг наотмашь ударить ему в лицо. Он сжал руки в кулаки и ускорил шаг.

— Одним ударом в лицо ты вряд ли отделаешься! Ты мне ответишь за дебила! — злобно прошипел его собственный голос в голове Метелицы.

Метелица вздрогнул и остановился, испугавшись неожиданно возникших, неподконтрольных ему эмоций. Тяжело дыша, постарался понять, что с ним происходит,

как вдруг почувствовал, как чуть ощутимо задрожал под ногами песок. Он замер, страх, знакомым холодком пробежал по спине, извещая о чем-то плохом. Метелица посмотрел на Чеснока, продолжающего с довольным лицом махать ему руками.

— Не шевелись! Что-то есть под землей! — он негромко прокричал ему, боясь привлечь к себе внимание, того кто был под поверхностью песка, показывая указательным пальцем на песок в промежутке между ними.

Чеснок, вероятно, услышал поделника, так как тут же убрал улыбку с лица, испуганно заморгал глазами, а затем, словно тоже, что-то ощутив, закрутил головой по сторонам, а после, вскочив на ноги, завертелся на месте, выискивая в песке источник этой вибрации.

— Идиот! — выругался про себя Метелица, понимая, что Чеснок ведет себя не благо-разумно. Вместо того, чтобы затаиться, крутится как волчок.

— Беги! — надрывно закричал Метелица, понимая, что поделнику оставаться на этом месте теперь уже нельзя! — Беги, что есть сил! — замахал руками Метелица.

Чеснок рванул навстречу Метелице, и только он сделал первые шаги, как

что-то похожее на гигантский хобот, покрытый серыми, гладкими пластинами, внезапно вырвалось из песка, и рухнула на его поверхность. Раскрывшаяся оконечность хобота, разбросила в разные стороны, пару десятков длинных щупалец, усеянных крючковатыми шипами, которые распластались по песку и волнообразно начали исследовать его поверхность. Одна из щупалец сбила Чеснока с ног, остальные щупальца тут же резко метнулись в сторону человека. Метелица, колебался, но все-таки побежал на встречу поделнику. Подбежав к нему, он схва-

тил Чеснока за руку и с силой дернул на себя. Чеснок отлетел на Метелицу, щупальца, растопырив на своей оконечности звездообразный отросток, усеянный зубами, с силой ударила в то место, где еще секунду назад лежала жертва.

Парни вскочили и побежали, что было сил. Тварь неприятно запищала, вобрала в себя все щупальца и тут же скрылась в песке.

— Стой, — резко одернул Чеснока Метелица. — Тварь реагирует на вибрации в песке. Замри! Иначе мы трупы! — уже почти шепотом договорил он.

Парни остановились и замерли. Совсем не шевелиться было сложно, сбитое напрочь дыхание и неимоверная слабость то и дело колыхали тело. Под ногами снова почувствовалась чуть заметная дрожь.

— Не шевелись! — чуть слышно, сквозь зубы прошипел Метелица, видя, как сильно дрожит от страха его подельник. Чеснок легонько покачал головой.

В пяти метрах от них, высунулась из песка тонкая, полутораметровая щупальца, покрытая небольшими волосками и чуть заметно поколебавшись в воздухе, снова скрылась в песке.

Метелица прижал указательный палец к губам, строго посмотрев на Чеснока. Время шло, парни продолжали стоять неподвижно. Вокруг было пока все спокойно, ничего не происходило, от слова совсем. Даже рябившая еще недавно на горизонте дымка, теперь замерла, словно мутная, стеклянная стена, растянувшаяся на десятки километров. Становилось все жарче и жарче, пот беспрестанно струился по телу парней, сделав вскоре мокрой всю их одежду. Не выдержав, Чеснок очень тихо сказал:

— Братан, я уже не могу терпеть, мои ходули сейчас кажется, расплавятся.

— Терпи! — прошипел недовольно Метелица. — У меня они тоже не деревянные, но я в пасть к этой твари не собираюсь.

— Не могу! — пожалился подельник. — Может она уже уползла в другое место?!

— Хочешь проверить, иди! — озлобленно фыркнул Метелица!

Чеснок болезненно сморщил лицо, принявшись осматриваться по сторонам. И удостоверившись, что вокруг по-прежнему спокойно, осторожно поднял одну ногу, уперев ее пяткой в колено, тут же закатив глаза от облегчения.

Ничего не произошло, все, как и прежде, было спокойно.

— Я же говорю, эта тварь уползла, — прошептал, болезненно улыбнулся Чеснок.

— Может быть, — ответил шепотом Метелица, и тоже аккуратно поднял правую ногу.

Со стороны казалось, что парни выполняют какой-то цирковой номер или упражнение из йоги. Шаткая фигура из двух молодых людей, стоящих на одной ноге, держащихся руками друг за друга. Иногда руки приходилось убирать, чтобы стереть пот или почесать конечности и тогда фигура становилась довольно шаткой.

— Мы так долго не простоим, нужно что-то срочно придумать, — в очередной раз, поймав пошатнувшегося подельника, сказал Метелица, аккуратно поставил вторую ногу на песок и начал осторожно снимать с себя майку.

— Это ты зачем? — удивленно посмотрел на него Чеснок.

— Ноги перемотать, все не так песок обжигать будет!

— Голова! — уважительно закивал Чеснок.

Он тут же принялся тоже снимать с себя майку. Мокрая, липкая материя никак не хотела просто сдаваться. Чеснок с трудом дотянул ее до плеч и попытался перекинуть ее через голову, но не удержал равновесие, и чтобы не упасть, сначала запрыгал на одной ноге, а потом и вовсе завалился на колено. Метелица резко наклонился к подельнику и ухватил его за руку, не дав тому упасть на песок всем телом. Он быстро поднял его, резко дернув за майку, стянув ее с его головы.

— Ну, ты и мудака! — злобно прорычал Метелица. — Угробить нас хочешь?! — Словно предчувствуя, что вот-вот случится нечто недоброе, он тревожно закрутил головой по сто-

ронам. — Будь ак — не успел сказать он, как раздался короткий треск и в следующую секунду, вырвавшиеся из песка три тонких, длинных щупальца, с силой ударили Чеснока в спину. Чеснок, выкатил болезненно глаза, уставившись на Метелицу страдальческим взглядом и молча начал оседать на песок, попытавшись ухватиться за своего поделщика. Что-то противно хрустнуло внутри тела Чеснока, и тонкая струйка крови побежала по его подбородку. Метелица, сопереживая поделщику, сморщился, прикусив нижнюю губу.

— Прости Чеснок, я тебе уже не помогу! — прошептал он, и, сделав осторожно пару шагов назад, рванул, что было сил, прочь.

Он бежал, не оборачиваясь, в голове была пустота, все возможные мысли выжгло страхом. И только спустя несколько минут интенсивного бега, который с трудом давался по раскаленному песку, в голове начали появляться первые мысли. Сердце яростно барабанило в ушах, нестерпимо болело в правом боку, пятки резало от прикосновения к раскаленному песку. Но сдаваться было нельзя, ему казалось, что он все еще недостаточно далеко убежал. Внутренний голос молил:

— Еще сто метров, еще пятьдесят метров, давай еще десять метров....

В глазах потемнело, ноги перестали слушаться, превратившись в неуклюжие, деревянные протезы. Отсчитав, последние пять шагов, Метелица остановился. Обернулся, и, закашливаясь, пристально стал осматриваться. Вся линия горизонта, как и прежде, была пустынна. Зажав рот ладонью, чтобы не дай бог, своим кашлем не привлечь к себе внимания какой-нибудь твари, он присел на корточки и затаился. Наконец, справившись с кашлем, чуть отдышавшись, он с трудом разорвал майку, которую так и не успел пустить в дело. Облачив в тряпки, свои обожженные пятки, чуть страдальчески улыбнулся, почувствовав небольшое облегчение.

Время тянулось медленно, становилось все жарче и жарче. Песок нагрелся настолько, что ноги стало больно покалывать даже через материю. Метелица, зажмурившись, посмотрел на бело-синее небо, в центре которого неподвижно находилось светило, формы, и размеры которого, были скрыты мощным, белым световым излучением. Как ни странно, это световое излучение не жгло как земное солнце, от него не чувствовалась мощная тепловая, солнечная энергия. Метелица погладил рукой свои волосы, которые были слегка горячими. Складывалось такое ощущение, что так жарко было не от местного светила, а от тепла, которое отдавал песок.

— А может местное солнце и вовсе не дает тепло, а все тепло исходит от поверхности, от песка? Что-то нагревает его изнутри! — появившаяся в голове гипотеза, взбодрила Метелицу. Мозг впервые за долгое время выдал, что-то разумное и возможно полезное.

— Что все-таки могло произойти, почему они вдвоем с Чесноком оказались в этом странном месте? Как вообще они могли здесь оказаться? Почему? Неужели в этом действительно виноват этот худощавый педофил? Как теперь вернуться обратно? — словно обезумевшая толпа, вопросительные мысли набросились и поглотили все рассуждения и домыслы, склоняя разум вновь поддаться панике.

Теряя трезвость ума, Метелица ударил себя по щеке. Помогло. В голове ор мыслей угас. Наступившая пауза, требовала плана дальнейших действий. Но что было делать дальше, он не знал. Вокруг все одинаковое, никакой возвышенности, никакого укрытия, ничего, только белый, ровно выстеленный песок. Метелица напрягся, пытаясь сконцентрироваться на окружающей картинке, он стал мысленно задавать один и тот же вопрос самому себе, требуя помощи у подсознания в указании верного направления. Но такой способ оказался бесполезным. Мозг отказывался брать на себя ответственность за подобное решение.

— Ладно, — хрюкнул Метелица, словно обижаясь на предательское молчание мозга, и поддавшись какому-то внутреннему, странному чувству, все-таки выбрал направление, осторожно зашагав по раскаленному песку.

Воздуха, казалось, становилось все меньше, дышать становилось тяжелее. Он брел по какой-то сауне, которую натопили, не жалея дров для дорогого гостя. Пытаясь вдохнуть больше

воздуха, гортань отзывалась противной болью от жжения. Делая маленькие вдохи, темнело в глазах от нехватки кислорода. Пот нескончаемыми струйками лился с лица, внезапно наступившая тошнота подступила к горлу. Он остановился и почувствовал, как сильно закружилась голова. Картинка перед глазами плыла то в одну, то в другую сторону. Сделав короткую остановку, он пошел дальше. Через какое-то время ноги не смогли терпеть разогревшийся песок даже через материю. Пришлось стянуть с себя штаны и намотать их поверх остатков майки. Помогло это совсем ненадолго. Уже приходилось скакать, прыгать, стараясь как можно меньше времени соприкасаться с раскаленной поверхностью, не думая о том, что на это может отреагировать какое-то из существ, живущих в песке. Как сейчас не хватало кроссовок, которые отчего-то в отличие от остальной его одежды не воскрешались с ним вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.